

Александр Золотько

Тень дракона

Александр К. Золотько
Тень дракона
Серия «Охотник», книга 2

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157737

Александр Золотько Охотник: Тень Дракона: Фолио; Харьков; 2001

ISBN 966-03-1409-4

Аннотация

Вторая книга трилогии «Охотник». Злоключения журналиста Евгения Шатова не закончены. Дракон выполнил свое обещание: он вернулся...

Текст книги представлен в авторской редакции.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	75
Глава 4	120
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Золотько

Тень дракона.

Часть 1

Глава 1

Муха упрямо пыталась пробить стекло. Раз за разом она наносила удар в окно, и всякий раз отлетала назад. После каждой третьей попытки, муха делала несколько кругов пешком по подоконнику и вновь возобновляла усилия.

Вообще у Шатова сложилось впечатление, что комната, в которой он сидел вот уже три часа, внушала своим обитателям, временным и постоянным, невероятное упрямство. Вспомнилась дурацкая детская шутка о свехупрямстве. Нужно было взять в рот комара и биться головой о стену, пока у того не случится сотрясение мозга. Собеседнику Шатова, похоже, эта процедура удавалась неоднократно.

– Шатов, Евгений Сергеевич, – в который раз за время беседы с вопросительной интонацией произнес хозяин кабинета.

– Да, – первые три или четыре раза Шатова это даже забавляло, теперь осталось только раздражение.

– Тридцать семь лет, – собеседник выговаривал все слова очень четко и ясно.

– Тридцать семь лет, – тяжело вздохнув, подтвердил Шатов.

– Род занятий?

– Журналист, – сказал Шатов и приготовился в очередной раз рассказать историю о своем уходе из редакции еженедельника «Новости», но ошибся.

Собеседник, которого Шатов на пятнадцатой минуте беседы мысленно обозвал Занудой, внезапно откинулся на спинку стула и расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. Муха с треском врезалась в стекло и упала на подоконник.

Шатов мельком глянул на беднягу. Муха приступила к обязательным кругам.

– Шатов, Евгений Сергеевич, – сказал Зануда.

– Совершенно верно, – кивнул Шатов.

– Тридцати семи лет отроду, – Зануда принялся раскачиваться на стуле.

У Шатова возник соблазн перегнуться через стол и толкнуть собеседника. Грохот внес бы приятное разнообразие в беседу.

– Род занятий.

– Журналист.

Муха с надсадным гудением взлетела и стала набирать высоту для очередного тарана. Шатов прикрыл глаза.

Удар в стекло, пауза, гудение, удар, пауза, гудение, удар...

– Шатов Евгений Сергеевич, – утвердительным тоном для разнообразия произнес Зануда.

– Шатов. Евгений. Сергеевич.

– Оч-чень интересно, – произнес Зануда, – очень.

– Тридцати семи лет, – подсказал Шатов.

– Что вы говорите? – Зануда всплеснул руками и чуть не потерял равновесие. Ножки стула громко стукнули об пол.

– И журналист? – Зануда даже ткнул пальцем в сторону Шатова.

– Гадом буду, – Шатов понял, что уже минут пятнадцать прошло с того момента, как он потерял чувство реальности.

Муха, кабинет, Зануда и его совершенно идиотские, настойчиво повторяющиеся вопросы.

– Шатов, Евгений Сергеевич, – Зануда широко улыбнулся.

На всемирном конкурсе улыбок этот шедевр занял бы второе место. Сразу же после широченной улыбки Шатова:

– Тридцать семь лет.

– И журналист!

– И журналист.

– И Шатов.

– И Шатов.

– И Евгений Александрович.

– И Евгений... Стоп, – Шатов вздрогнул, – ни хрена, Евгений Сергеевич. Тридцать семь лет. Журналист. Шатов Евгений Сергеевич.

– Бочкарев, Игорь Владимирович, тридцать пять лет, со-

беседник.

Муха снова врезалась в окно.

– Что? – спросил Шатов.

– А почему за все время нашего очень содержательного разговора вы не поинтересовались, как зовут меня? – Зануда, как примерный ученик, сложил руки на столе и вопросительно склонил голову к левому плечу. – Я вас три часа восемнадцать минут мучаю самым бессовестным образом. Явно корчу из себя идиота, заставляю вас чувствовать себя не лучшим образом, а вы спокойно отвечаете на постоянно повторяющиеся вопросы и даже не пытаетесь выяснить, как зовут того мерзавца, который...

– Зануда, – спокойно сказал Шатов.

– Простите?

– Я назвал вас Занудой, – пояснил Шатов, – через двадцать минут после начала нашего содержательного разговора, Игорь Владимирович.

– А как вы назвали Арсения Ильича? – вопрос был задан обыденным тоном, словно Бочкарев собирался запустить разговор по еще одному бессмысленному кругу.

– Арсением Ильичем, – как можно спокойнее произнес Шатов.

– И только?

– Поначалу – только Арсением Ильичем.

– Поначалу – это до какого момента?

– Извините, я неточно выразился, – Шатов нервно посту-

чал пальцами по столу.

– Выразитесь точнее, – предложил Бочкарев.

– Мысленно я называл его Арсением Ильичем, просто Арсением или просто Ильичем. Сволочью, кажется, называл. Потом...

– С какого момента?

– После того, как понял, что это он убивал всех этих людей... – Шатову показалось, что в кабинете вдруг потянуло влажным холодом предрассветного леса. Заныло тело.

Шатов механически погладил запястье правой руки. Шрама не осталось, но холодное прикосновение наручника сохранилось.

– Сразу после этого... – тихо сказал Шатов, – ... и до самой его смерти.

– А как вы его стали называть?

– Драконом, – слово пришлось выдавливать сквозь зубы, потому что мышцы лица свело судорогой.

– Драконом... – словно смакуя, протянул Бочкарев, – Драконом. Вот так вот, с большой буквы?

– Нет. Одними большими буквами. ДРАКОНОМ.

– Ага... – Бочкарев почесал правую бровь.

Муха зажужжала снова.

– Надоела, – раздраженно сказал Бочкарев, не глядя, взмахнул рукой.

Жужжание разом прекратилось.

Бочкарев легко встал со своего стула, подошел к окну и,

открыв форточку, выбросил муху на улицу.

– Она теперь начнется стучать в окно со двора, – предупредил Шатов.

– Не станет. На дворе достаточно прохладно. Скоро заморзнет, – Бочкарев вернулся к столу. – Так о чем это мы?

– Шатов, Евгений Сергеевич, тридцать семь, журналист...

– Бывший журналист, – поправил Бочкарев.

– Я все еще член союза журналистов.

– Я неверно выразился. Бывший журналист еженедельника «Новости», а ныне...

– Независимый журналист, – сказал твердо Шатов.

– И на какие информационные структуры работаете?

– На разные.

– Угу, – Бочкарев снова почесал лицо, на этот раз кончик носа. – А ночным сторожем подрабатываете в рамках операции «Журналист меняет профессию»?

– Это исключительно мое дело, чем и в каких рамках я подрабатываю, – голос Шатова чуть дрогнул.

– Эмоции, – поднял палец Бочкарев, – эмоции.

Удовлетворенно он это произнес, подумал Шатов, как будто конфетку получил.

– И вам хватает? – поинтересовался Бочкарев.

– Еще и остается, – отрезал Шатов, вспомнив старую армейскую шутку.

– А куда деваете то, что остается? – спросил Бочкарев, и сам себе ответил, – съедаете, еще и не хватает. Правильно?

– Правильно.

– А почему же вы ни куда не устроились на работу? – Бочкарев произнес последнее слово звонко и по слогам: «ра-бо-ту».

– Это мое дело.

– Не совсем, Евгений Сергеевич, не совсем. Еще это, как минимум, дело еще и Лилии... э-э...

– Во всяком случае, это не ваше дело, – Шатов почувствовал, как сами собой сжались кулаки, и заставил их разжаться. – Это не ваше дело.

– И снова эмоции, – удовлетворенно улыбнулся Бочкарев. – Очень эффектно, знаете ли, такое мужественное равнодушие и – вдруг – вспышка эмоций! Замечательно.

– Уважаемый Игорь Владимирович!... – начал Шатов.

– Можно без ненужной вежливости.

– Игорь Владимирович.

– Не верю! – Бочкарев театрально заломил руки.

– Мать, сучок недоделанный, – Шатов набрал воздух в легкие и внятно, подробно изложил все, что думал о самом Бочкареве, его вопросах, его кабинете, структуре, которую Бочкарев представлял, и...

– А почему просто не врезали в рожу? – неожиданно спокойно спросил Бочкарев.

– На меня произвел впечатление инцидент с мухой, – подумав, признался Шатов.

– А отсюда следует, что вы можете контролировать свои

эмоции в случае потенциальной опасности, – констатировал Бочкарев. – Можете, когда хотите. И кстати, почему Дракон?

Шатов молчал почти с минуту. Бочкарев его не торопил. Шатову показалось, что сейчас нужно что-то делать – закричать, броситься в драку, закатить истерику... Он был уже на грани, но потом ясно представил себе, как Бочкарев бесшумно похлопает в ладоши и снова скажет что-нибудь о восхитительных эмоциях.

– Просто Дракон.

– Вам хотелось почувствовать себя прекрасным рыцарем?

– Мне хотелось сменить нижнее белье. И еще мне хотелось убежать и спрятаться, а еще мне хотелось...

– Убить.

– Нет.

– Совсем не хотелось?

– Не хотелось. Его... Или хотел, но... Не знаю, – Шатов с ужасом понял, что действительно не может ответить на этот вопрос.

И это вовсе не значило, что он не помнит той ночи. Наоборот, ту ночь он помнил в мельчайших подробностях. Неоднократно видел ее в ночных кошмарах, десятки раз вспоминал ее на допросах и собеседованиях. Но не мог сказать даже себе, хотелось ему убить Арсения Ильича или нет.

– А что вы почувствовали после убийства?

– Это было не убийство.

– Вот как? А что? Как называется то, что вы сначала

столкнули человека в болото, а потом не пришли ему на помощь. Ведь, если верить вашим же рассказам, он просил о помощи?

«Шатов...» – донеслось из тумана. Потом еще раз – «Шатов...». И, наконец: «Я вернусь, Шатов...». И тишина. И легкий всплеск. А потом туман рассеялся, и Шатов увидел... Шатов не увидел ничего, кроме кругов на поверхности болота. И заросшие мхом туши мертвых деревьев.

– Вы не считаете это убийством? – повторил вопрос Бочкарев.

Шатов сидел с закрытыми глазами. Губы шевельнулись.

– Нет? – спросил Бочкарев.

– Не знаю... – еле слышно произнес Шатов.

– Но если бы вы снова оказались там, и Дракон снова попросил бы вас о помощи... Вы бы помогли?

Шатов сжал зубы. Помог бы? Или нет? Откуда он знает? И зачем было бы помогать? Или все-таки помог бы? Хотя бы ради того, чтобы точно знать, что...

– Кстати, – фразы Бочкарева стали резкими и точными, как скальпель. – Кстати, мобильник с вами?

– Телефон? – Шатов вздрогнул, кивнул, потом торопливо достал из кармана аппарат и положил его на стол. – Вот.

– Это тот самый телефон, который вам дал Дракон для связи, – сказал Бочкарев, – и только он знал номер этого телефона. Так?

– Так, – Шатов разом охрип, попытался откашляться, – да.

– И со времени смерти Дракона по нему к вам никто не звонил?

– Никто.

– А вы не выяснили номер аппарата? И где он зарегистрирован. И главное – на кого?

– Н-нет...

– Но зачем-то продолжаете носить его с собой... – Бочкарев полез во внутренний карман пиджака и достал сложенный вчетверо листок бумаги. – Вы можете мне объяснить, зачем вы постоянно подзаряжаете и носите с собой телефон, по которому к вам может позвонить только один человек... Один человек, которого вы сами и убили.

Шатов промолчал. Взял со стола телефон и спрятал его в карман.

– Или вы полагаете, что Дракон мог выжить? – спросил Бочкарев.

– Я...

– Да или нет?

– Не знаю...

– Да или нет?

– Идите вы к черту! – выкрикнул Шатов, вскакивая и опрокидывая стул. – Что вам от меня нужно? Что? Я уже рассказал все, что мог. Меня уже допросили все, кто желал покопаться у меня в мозгу. Я даже дал согласие на допрос под гипнозом. Вы допрашивали меня и мою жену... Что вам еще от меня нужно? Да, я таскаю с собой этот проклятый

телефон. Да, я не знаю, зачем это делаю. Я не знаю... Мог он выжить или не мог. Я знаю, что он убил более тридцати человек. Я знаю, что почти десяток из них он убил на моих глазах. Я помню, как он падал в болото. И я не видел, как он захлебывался. Ко мне никто больше не звонил по этому проклятому телефону...

– Один звонок был, – спокойным голосом напомнил Бочкарев, и Шатову показалось, что эти простые слова ледяным дождем обрушились на него. – Ведь был звонок?

– Был... – прошептал Шатов. – Но я не знаю, кто звонил. Никто не ответил. Просто тишина в трубке. Тишина, потрескивание помех. И – все. Отключились. Короткие гудки.

– Вы поэтому так нервничаете?

– Извините, – Шатов наклонился, поднял стул и поставил его на ножки.

– Почему вы называли его Драконом? – снова спросил Бочкарев, подождав, пока Шатов сядет на стул.

– Да не знаю я. Не знаю. Может быть, из-за того, что он метил свои жертвы вырезанным из картона драконом... Или, может, из-за моего сна...

– Я читал о вашем сне, – кивнул Бочкарев.

– Не знаю. Дракон и все.

– А сам себя он называл...

– Арсений Ильич.

– Нет, кроме этого.

– Охотником, – сказал Шатов. – Он называл себя охотни-

ком. А нас всех – животными, на которых он охотится. И еще он говорил, что не потерпит браконьеров в своих угодьях.

– И не потерпел, и не потерпел... Это прибавило к общему списку еще пять трупов и чуть не стоило вам жизни, – Бочкарев продолжал крутить в руках листок, сложенный вчетверо.

– У вас есть ко мне еще вопросы?

– Да, – кивнул Бочкарев, – или вы уже устали?

– Ну что вы, – устало улыбнулся Шатов, – в вашей компании я провел четыре самых содержательных часа в своей жизни.

– Вот и хорошо. Сейчас я вам задам вопрос. Чисто гипотетический, но все-таки. Вопрос. И мне очень хотелось, чтобы вы ответили на него как можно более честно. Даже если он покажется вам нелепым...

– Шатов, Евгений Сергеевич, тридцать семь... – деревянным голосом отбарабанил Шатов.

– И тем ни менее. Если мы предположим, только предположим, подчеркиваю, что Дракон каким-то образом выжил. Только предположим...

– Да что вы заладили – предположим, предположим! – взорвался Шатов. – Не делайте из меня дебила, господин Бочкарев!

– Хорошо, – легко согласился Бочкарев, – если тот, кого вы называли Арсением Ильичем, остался в живых... Он бы попытался найти вас?

– Да, – не задумываясь, ответил Шатов.

– Вы в этом твердо уверены?

– Да, я в этом твердо уверен.

– И зачем он попытался бы вас найти?

– Не знаю... Отомстить... Не знаю, – пожал плечами Шатов, – Честно – не знаю.

– А если отомстить, то за что?

– За то, что я его...

– Убили? – быстро спросил Бочкарев.

– Да, за то, что я его убил, – твердо произнес Шатов. – За то, что я его убил. И за то, что я каким-то образом умудрился не выполнить того, что он запланировал. И что я...

– Отомстить... – тихо повторил за Шатовым Бочкарев. – Только вам?

– Вы имеете ввиду... Моей жене?

– Не только...

– Не знаю, – Шатов чувствовал, что разговор снова становится каким-то нереальным, сумеречным.

Начала болеть голова, и Шатов потер виски.

– Прошло уже полтора месяца, – Бочкарев все крутил в руках сложенный вчетверо листок, крутил с таким видом, будто в листке этом скрыта некая тайна, которая...

– Он не пытался со мной связаться. Не пытался, – Шатов прикусил губу, а потом снова сказал, – не пытался.

– Подождите меня, пожалуйста, – попросил, вставая, Бочкарев. – Я вернусь через пять-десять минут.

Листок остался на столе.

Шатов помассировал виски. Болит. Безумный день. Безумный разговор. Нелепый человек... Хотя, слово нелепый, как и определение «Зануда», больше не подходили к Бочкареву. За полчаса этот человек сумел скомкать и выбросить в окно все самообладание и уверенность Шатова.

Станный человек. И странный листок.

Шатов попытался отвернуться к окну, но взгляд все равно вернулся к листку бумаги.

Там не может быть ничего интересного, сказал себе Шатов. Ничего. И это не мой листок. И это просто глупо – заглядывать в этот нелепый листок бумаги. И, в конце концов, неизвестно, как может отреагировать Бочкарев на то, что Шатов...

Рука Шатова остановилась над бумагой.

Не нужно.

Листок по краям немного потерт, словно его долго носили в кармане.

Не нужно.

Пальцы ощутили шероховатость бумаги.

Не нужно, слышишь, Шатов, не нужно. Это не для тебя...

Не нужно.

Листок развернулся. Раз и еще раз. Обычный стандартный листок для машинописи. И размашисто, через весь лист, в длину, фломастером, надпись: «Если бы вам осталось жить меньше часа, что бы вы сделали?».

Шатов прочитал фразу несколько раз, прежде чем обра-

тил внимание на подпись. «Евгений Шатов». И число – второе октября.

Если бы вам осталось жить меньше часа, что бы вы сделали? Евгений Шатов. Меньше часа. Второе октября...

Это не его почерк. И двойку он писал всегда без этой кокетливой петельки. И что за нелепая фраза?

Второе октября... Что он делал второго октября? Второго октября он... Да, действительно, позавчера, второго, он был на работе. С шести вечера до восьми утра. Он был на работе. Какая-то глупая шутка!

Шатов снова свернул листок и положил его наместо. Задумался и чуть подвинул. Черт, какой стороной этот проклятый листок лежал к нему? Сгибом или уголками? Черт...

И он не писал этой записки. Не писал.

Шатов оглянулся на дверь – где там ходит этот Бочкарев? Ему нужно сказать, что не писал Шатов этого, что второго октября...

Словно озноб пробежал по телу. Что произошло? Что может значить этот листок, если Шатова вызвали для разговора. Странного, бредового разговора.

Шатов потер руки.

Где же этот Бочкарев? Где он? Где?

Шатов встал и прошелся по кабинету.

Стол, два стула и зеркало на стене. Почти метр в длину. Зеркало! Шатов засмеялся, понимая, что это больше похоже на истерику. Он ведь, как только вошел в комнату, сразу же

обратил внимание на это зеркало, еще и мысль мелькнула, что вот именно из-за таких зеркал в штатовских фильмах наблюдают за допросами.

Купили! Его все-таки купили.

Шатов подошел к зеркалу и постучал в него костяшками пальцев, как в окно. Поманил пальцем.

Хватит с ним играть в прятки. Хватит. Он уже созрел для серьезного разговора. Уже не нужно подталкивать его и манипулировать его настроением... Подумав об этом, Шатов снова засмеялся. Этот Бочкарев – мастер своего дела. Молодец. Здорово, если вдуматься, он растрепал внутреннюю защиту Шатова, по бревнышку раскатал. Молодец.

– Где вы там! – позвал Шатов, снова постучав по зеркалу. – Клиент уже созрел.

– Не нужно так кричать! – спокойно сказал кто-то от двери, – Я и в первый раз все прекрасно слышал.

Шатов обернулся:

– Здравствуй, Хорунжий.

– Привет, Женья, – Хорунжий протянул руку, и Шатов ее пожал, – посидим, покалякаем?

– Опять?

– Ну, извини! Обряд должен быть выполнен, а Игорек его у нас выполняет лучше всех, – развел руками Хорунжий.

– А чего он не вернулся?

– А он бы вернулся, если б ты не прочитал писульку.

– Экзамен мне устроили? – Шатов сел на стул и закинул

ногу за ногу. Стул подозрительно треснул, и Шатов поспешил сменить позу на более спокойную.

– Тест, – Хорунжий щелчком подтолкнул листок к Шатову, – на выживание.

– То бишь?

– Если бы ты не стал читать чужие бумаги, вошел бы Игорь, забрал записку и попрощался бы с тобой. И ты бы спокойно ушел отсюда, – Хорунжий сделал демонстративную паузу, рассматривая ногти.

– Не томи, Миша, я уже достаточно отбит, можно обваливать в сухарях и равномерно обжаривать. Кстати, записку я так и не понял. Я ее, во всяком случае, не писал.

– Это мы знаем, – медленно сказал Хорунжий, – это мы выяснили. Почерк не просто не твой, никто даже и не пытался подделывать твой почерк.

– Тогда в чем дело? – спросил Шатов, чувствуя, как мышцы живота напряглись, словно в ожидании удара.

– Дело в том, что тот человек, который получил эту записку в двадцать один час второго октября, в двадцать два часа умер, – Хорунжий твердо взглянул в лицо Шатову, – правда, смешно?

– Обхохочешься... – протянул Шатов. – До мокрых штанов.

Хорунжий выдвинул ящик стола, извлек папку и аккуратно положил ее перед Шатовым:

– Почитаешь, или я изложу своими словами?

Папка была вызывающе тонкая, пластиковая, с каким-то затайливым вензелем в левом верхнем углу. Такие обычно выдают на презентациях фирм средней руки с комплектом рекламных материалов и пресс-релизов.

Наверняка там хранится потрясающая подборка из косноязычного протокола, нескольких свидетельских показаний, пары рапортов и приятных снимков с покойником на первом плане, подумал Шатов. Не хочу. Ничего не хочу. Хочу просто жить. Просто жить, пусть даже впроголодь и не имея интересной работы. Не хочу...

– Давай я лучше перескажу, – предложил Хорунжий, – читать там особенно нечего, это во-первых, а во-вторых...

– А во вторых, – неожиданно для себя подхватил Шатов, – я смогу читать это еще неоднократно. Так?

– Так, – Хорунжий немного растерянно почесал в затылке, – только вместо «неоднократно» я хотел произнести «многожды».

– Я смогу читать это многожды?

– Неоднократно, – подтвердил Хорунжий.

– А если я не захочу?

– Захочешь, – уверенно сказал Хорунжий. – Уже захотел.

– Это ваш собеседник Бочкарев вам сказал?

– И он тоже.

– А если он ошибся?

– А если ты решишь играть в гордого и свободного, мы тебе подыграем, и ты уйдешь отсюда гордый и свободный...

Только, извини, не знаю надолго ли, – Шатов покачал головой, демонстрируя, насколько он будет опечален.

– Это угроза?

– Дурак вы, ваше благородие, какие угрозы? Просто иногда для человека наступает момент, когда от его желания или нежелания не зависит ровным счетом ничего. Даже если такой человек захочет вдруг наложить на себя руки, чтобы выйти из игры, то руки до горла не достанут. Пистолет не выстрелит, веревка порвется... И так далее. Для тебя такой момент наступил.

– Настал момент такой... – Шатов улыбнулся невесело, сообразив, что ответил цитатой из мюзикла «Али-баба и сорок разбойников».

Нужно решать... Поверить на слово Хорунжему, и просто пуститься в плавание по течению. Открыть папочку и окунуться с головой... Во что? В приключение? Или в дерьмо? Или...

Шатов придвинул к себе папку, провел рукой по ее поверхности. Хорунжий молчал, подперев щеку рукой. На лице – неподдельный интерес. Или выпендривается. У него странная привычка вести себя почти с детской непосредственностью в самые ответственные моменты. Хотя, возможно, те моменты, в которые его видел Шатов, ответственными были только для Шатова.

Шатов открыл папку, помедлил с секунду, потом захлопнул:

– Рассказывай. Почитаю потом. Если захочу.
– Захочешь-захочешь, – пообещал Хорунжий.
– Рассказывай, – сказал Шатов.
– Значит так, – Хорунжий легко хлопнул ладонью по столу, – дело было в кинотеатре еще с советских времен носившем название «Второй комсомольский»...

Шатов хорошо знал этот кинотеатр, как знал и то, что по выходным традиционно в нем выступают всяческие экстрасенсы и целители. Второго октября по многочисленным просьбам людей, как было обозначено в афише, выступал белый колдун, маг, целитель, некто Илия, в паспорте, впрочем, значившийся как Илья Афанасьевич Перегон.

Особого ажиотажа выступление, как обычно, не вызвало, но человек около двухсот в зале собралось.

Перегон имел вид изысканно библейский, не смотря на достаточно молодой возраст. Черная аккуратная борода, бледное лицо и странный немигающий взгляд темных глаз производили на многих довольно сильное впечатление.

Сам белый колдун все свои выступления строил по принципу шоу, сознательно подражая актерам, проводящим свой творческий вечер где-нибудь в доме культуры работников животноводства. Вступительная речь, немного демонстрации таланта и умения – в этот раз удачно прошел рассказ об излечении запущенного рака и исцеление на глазах у зрителей человека, страдавшего сильнейшей головной болью – затем быстрое обследование трех-четырех добровольцев с

точной постановкой диагноза, и, наконец, ответы на записки всех желающих.

Вопросы были однотипными, часть из них была подготовлена лично Перегоном и его помощниками, зал реагировал нормально, и можно было ожидать десятка два заказа на оказание помощи. Два десятка, как минимум.

Потом белый колдун открыл одну записку и вначале про себя, а затем и вслух, прочитал тот самый сакраментальный вопрос: «Если бы вам осталось жить меньше часа, что бы вы сделали?».

Для Перегона вопрос послужил удачной платформой для пятиминутной лекции о смысле жизни и рекламы своего умения видеть будущее. Через пятнадцать минут Перегон сообщил, что устал, что целебная энергия, излучаемая им в течение всего сеанса может превысить оптимальную дозу для зрителей, посоветовал всем покупать свои фотографии и аудиозаписи, отправил всех желающих получить исцеление из его рук на запись к помощнику, а сам отправился за кулисы, что отдохнуть и перекурить.

Страждущих оказалось почти три десятка, пока ассистент мага записывал их данные, прошло полчаса. Зал опустел, ассистент собрал свои записи, сгреб со стола записки и отправился в комнату к Перегону.

Маг и волшебник лежал, скорчившись, на полу. Из проломленного виска жирно текла кровь.

Ассистент вначале выронил бумаги и подбежал к Перего-

ну, потом вскрикнул, потом выбежал в коридор и закричал истощенным голосом, созывая людей на помощь...

– ... Приехала «скорая», констатировала смерть, приехали ребята из милиции, обнаружили, что на углу стола имеется кровь и волосы погибшего. На полу была разлита вода, и все практически сразу же решили, что смерть наступила в результате несчастного случая, – Хорунжий пробарабанил пальцами дробь по крышке стола. – Несчастного случая. Так бы оно все и прошло по бумагам, но ассистент оказался человеком вдумчивым и настойчивым. Он потребовал, чтобы записку приобщили к делу.

– И все с радостью?.. – спросил Шатов.

– Конечно, нет. От этого глухаря начали отмахиваться как от осы. И даже почти отмахнулись, если бы кто-то из знающих людей не обратил внимания на подпись.

– И поэтому меня вызвали сюда и в течение вот уже трех часов компостируют мне мозги, намекая при этом, что проведут для меня тест на выживание, и угрожая, что мне еще неоднократно... извините, многожды, придется читать материалы этого дела о гибели мага и волшебника... – Шатов отпихнул папку от себя, она проехала по столу и упала бы на пол, если бы не рука Хорунжего.

– Поэтому, – коротко подтвердил Хорунжий. – Именно поэтому. И если ты немного успокоишься, то сможешь понять...

– А я уже понял! – почти выкрикнул Шатов. – Вы хотите

сказать, что Арсений Ильич остался жив, что...

Хорунжий молча рассматривал папку и никак не отреагировал на то, что Шатов замолчал.

– Что... – снова выдавил из себя Шатов.

Черт, это... Нет, этого не может быть. Это нелепость. Дракон мертв. Его тело лежит в болоте...

– Это ведь не похоже на его почерк, – сказал, наконец, Шатов.

– Бог его знает! – пожал плечами Хорунжий.

– Он убивал так, чтобы все выглядело как...

– Как несчастный случай, или случайность, – закончил фразу Шатова Хорунжий.

– Как несчастный случай, – пробормотал Шатов.

– И он оставлял на месте преступления фигурку дракона из бумаги, – Хорунжий говорил без нажима, просто констатируя факты.

– Что, был найден дракон?

– Нет, была найдена записка с твоим именем.

– И вы решили, что...

– Мы пока еще ничего не решили. Мы вообще предпочитаем вначале действовать, а потом раздумывать, – развел руками Хорунжий.

– Кстати, вы – это кто? Милиция? Чекисты? Кто?

– Очень своевременный вопрос, – сказал Хорунжий.

– Да, своевременный, вы корчите из себя крутых пацанов, но при этом всячески стараетесь держаться в тени, словно

официальные структуры вам противопоказаны.

– А если это и вправду так? – поинтересовался Хорунжий.

– Вы хотите сказать, что стоите по ту сторону баррикад? Что уголовники... что братва создала свою службу безопасности?

– Я ничего не хочу сказать. Наша место с системе силовых структур тебя должна волновать меньше всего...

– А что же должно волновать меня более всего? – спросил Шатов.

– А более всего тебя должно волновать, что из всего происходящего следует для тебя и твоей жены.

Шатов глубоко вздохнул и задержал дыхание. Для него и его жены. Для Виты. Четко взвешенный и хорошо поставленный удар. Молодцы. Чтоб вы все сдохли, сволочи. Чтоб вы все...

Хорунжий потер лоб, поморщившись.

Головка бо-бо, злорадно подумал Шатов. Не у меня одного головная боль. Это почти приятно. Это почти примиряет Шатова с мирозданием. Но чего ждет Хорунжий? Он ведь явно ждет от Шатова какой-то реакции, ждет терпеливо, словно паук... или словно кот перед мышьиной норой... Боже, какие пошлые и избитые сравнения приходят в голову к журналисту Шатову. К бывшему журналисту Шатову, помимо воли, поправил себя Шатов. После того, как журналист Евгений Шатов избил главного редактора своей газеты, после того, как этот самый главный редактор попал в боль-

ницу со множественными переломами и сотрясением мозга в больницу, после всего журналист Евгений Шатов сделал несколько попыток устроиться на работу по специальности. И безуспешно.

Чудо еще, что главный редактор еженедельника «Новости» не подал на Шатова в суд. Чудо, но рукотворное. И одним из авторов его был вот этот самый Михаил Хорунжий, который сейчас делает вид, что ждет реакции Шатова, а на самом деле...

Стоп! Он ждет реакции Шатова. Реакции...

А что можно сказать о странной реакции официальных органов на странную смерть этого колдуна? Странная реакция? Что же в ней странного?

Шатов, прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

Нужно попытаться все сложить в кучу. Второго числа погиб Перегон, и была обнаружена записка. Через два дня Шатова вызывают на беседу неофициальные, но, судя по всему, достаточно влиятельные товарищи, чтобы предупредить и... И... Что еще? И что в этот момент делают товарищи официальные?

Если бы сам Шатов попал на место следователя, или кто там сейчас ведет это дело, как бы он повел себя? Как?

Слишком быстро к нему пришли. Есть смысл последить немного, потоптаться вокруг Шатова, прикинуть, не придут ли к нему автор записки... А вдруг совпадение? Вдруг в зале сидел действительно тезка и однофамилец? И случайно сов-

пали текст записки и нелепая смерть колдуна? Могло быть? Могло. Точно – могло.

Но Шатова зачем-то вызвали, на что-то намекают...

Что? Что им от него нужно?

Ну, погиб человек. Ну, нашли знакомую фамилию. Что дальше, почему они решили, что это Дракон? Да, он использовал для своих целей Шатова, да, он мог бы желать отомстить Шатову... если бы остался жить. Почему они устроили такую панику по единичному случаю? Такое чувство, что они ждали... Стоп. Не ждали. Не поэтому. Почему Шатов сейчас решил, что по единичному случаю?

Или...

– Еще кто-то погиб? – спросил Шатов хриплым голосом.

Хорунжий демонстративно посмотрел на часы:

– Десять минут. Неплохо.

– Неплохо? – Шатов скрипнул зубами, стараясь удержаться от очередной вспышки ярости.

– Неплохо, – спокойно подтвердил Хорунжий и достал из ящика стола еще три пластиковые папки.

Шатов зачарованно смотрел на его руки, перебирающие листы бумаги.

– Еще три случая. Минимум три случая, – тяжело вздохнул Хорунжий, – понимаешь, Женя, если бы все упиралось только в этого Перегона, тебя бы просто вызвали в райотдел, сняли показания, проверили алиби и поставили бы этот случай на учет. Но...

– Что «но»?

– Вчера было обнаружено тело некоего гражданина, перерезавшего себе вены в ванне, – Хорунжий извлек из папки фотографию и положил ее перед Шатовым, – он пролежал в воде почти два дня. На полу, рядом с ванной, лежали подписанные конверты с прощальными письмами. Два конверта. Один – для жены. Второй – для некоего Евгения Шатова.

Хорунжий сделал паузу, ожидая реакции Шатова, но тот промолчал.

– В первом конверте три четыре слова о невозможности больше жить. Во втором... – Хорунжий положил поверх фотографии ксерокопию записки.

Шатов еле сдержался, чтобы не вскрикнуть.

Я вернусь, было написано в записке.

Те же слова, которые прозвучали в преддawnетном лесу. Я вернусь, сказал Дракон.

Шатов помотал головой, отгоняя видение.

Этого не может быть. Не может быть. Он не мог выбраться из болота. Не мог. Или...

– Кто третий? – выдавил из себя Шатов.

– Прошлой ночью несколько человек перелопачивали недавние дела, надеясь найти хоть что-нибудь, на всякий случай. И нашли.

– Что? Да не тычь мне фотографии, просто скажи...

– Просто скажу, – кивнул Хорунжий. – Неделю назад на улице был убит гражданин... короче, лицо кавказской наци-

ональности. Обрезком трубы по голове. Аккуратно, в висок. Обрезок был завернут в газету, которую приобщили к делу в качестве вещественного доказательства. На ней были какие-то отпечатки пальцев.

– Мои?

– Не, не твои. Газета была давняя, еще весенняя. «Новости». На первой странице...

– Полосе, – механически поправил Шатов.

– На первой полосе была твоя статья. Большая, с фотографией.

– Мало ли, где они ее взяли...

– Мало, ой, брат, мало. Но для начала небольшой паники вполне хватило.

– И меня теперь привлекут как подозреваемого?

– Нет, брат, не привлекут. Вернее, – поправил себя Хорунжий, – привлекут, но не в качестве подозреваемого, а в качестве помощника.

– Что? – Хорунжему показалось, что он ослышался.

– Помощника. Добровольного. Создана группа, которая будет расследовать это дело. И тебя решено в эту группу включить как человека, который был лично знаком с Арсением Ильичем, и к которому у Арсения Ильича, буде это он, может быть особый интерес.

Как сказал, подумал Шатов, как завернул лихо! Помощником! На живца решили ловить. На живца... Хотя для этого вовсе не нужно ничего говорить Шатову. Берут молча мел-

кую рыбешку, насаживают ее на крючок и забрасывают в воду, где завелась зубастая щука.

Щука кушает живца, глотает крючок, и рыбаки имеют возможность кушать гордость еврейской кухни – фаршированную щуку. Фаршированную, в том числе, и живцом.

Могли его запустить втемную? Могли. Но... Черт, Шатов сегодня просто тормозит. Просто изо всех сил. Ему ведь ясно было сказано, что беседа Бочкарева с ним имела своей целью определить... В общем, Зануда в течение двух часов определял, предупреждать Шатова о том, что его насадили на крючок, или нет, компенсируя недостаток информированности естественностью поведения.

Ублюдки.

– Эксперименты надо мной ставите? – поинтересовался Шатов.

– Вы слишком нервничаете, господин Шатов, и оттого допускаете языковые неточности. Эксперименты нельзя ставить над кем-то. На ком-то – да, можно. И с кем-то – тоже можно...

– Я уже посылал тебя к бениной маме? – спросил Шатов.

– Сегодня – нет, – признался Хорунжий.

– Так вот...

– Извини, брат, но сегодня я никуда не пойду. Извини – дела. Мне еще нужно успеть тебя проинструктировать, договориться о связи и взаимодействии.

– А если... – снова начал Шатов, и снова Хорунжий его

проигнорировал.

– Еще ты должен успеть уволиться с работы и устроиться на новую. Кроме этого необходимо, чтобы ты успел предупредить свою жену...

– О чем? – Шатову не нравилось, когда кто-то вообще пытался заговорить о Вите, сегодня же ее постоянно вспоминают в связи с событиями неприятными и грязными.

– С твоей женой тебе нужно договориться о том, что не позднее завтрашнего утра она должна уехать на отдых... ну, скажем... – Шатов посмотрел на потолок, – в общем, за границу.

– Я больше не желаю... – Шатов встал со стула.

– Сидеть! – негромко приказал Хорунжий. – Не нужно корчить из себя гимназистку. Ты хочешь, чтобы она присоединилась к этому списку?

Хорунжий толкнул папки, они слетели на пол, разбрасывая по комнате листы бумаги и фотографии.

Один из снимков лег к ногам Шатова. Залитое кровью лицо. Шатов сел на стул и отвернулся.

– Твой Арсений Ильич собирался убить тебя и ее, забыл?

– Пытался.

– Пытался... Ты и она – единственные, кто из намеченных им жертв остались живы. Во всяком случае, из тех, кого мы знаем.

– Ну и что? Дракон умер. Утонул. Вы искали в болоте?

– Искали. Нашли несколько трупов в разной стадии раз-

ложения. Но тело, которое можно было идентифицировать как тело маньяка, найдено не было.

Шатова словно оглушило. Не нашли... Дракона не нашли... Этого не может быть. Он умер. Он утонул. Он...

– Это ничего не значит, – сказал Хорунжий. – В этом проклятом болоте может быть что угодно и искать мы его будем до скончания века. Трясина, коряги... Чудо, что мы вообще что-то нашли...

– Но сейчас вы будете искать?

– Нет.

– Но почему? – Шатов ударил кулаком по столу. – Почему не будете искать?

– Нет смысла, – спокойно ответил Хорунжий. – Нету. Смысла.

Хорунжий достал из кармана пиджака ручку и красиво вывел на листе бумаги: «Нету смысла». Подумал и приписал еще с полтора десятка восклицательных знаков.

– Как это – нету смысла? – Шатов рванул листок бумаги из-под рук Хорунжего, скомкал и швырнул в угол. – Ты обо мне говоришь! Обо мне и о моей жене. Ты этого не забыл?

– Не забыл, – Хорунжий встал, подошел к скомканному листку, поднял его, вернулся к столу и попытался разглядеть.

– Я сейчас...

– Понимаешь, Женя, после того, как ты сообщил о гибели Арсения Ильича, мы, естественно, приняли все это к све-

дению, но вели себя исходя из того, что он жив. На всякий случай. Фоторобот, описание, вокзалы, больницы, то, се... С результатом, близком к нулевому.

– Что нашли? – оживился Шатов.

– Когда я сказал «близко к нулевому», я не сказал с какой стороны. Знаешь – отрицательный результат, это тоже результат. То бишь, мы не нашли ничего, но это как раз и заставило нас больше всего насторожиться. Чтобы там не писали писатели и не снимали киношники, нужны слаженные усилия очень многих людей, чтобы человек пропал бесследно. Вынырнул ниоткуда и ушел никуда. А тут, с одной стороны, мы точно знали, что он был. И более того, действовал активно и эффективно. И мы не нашли ни единого его следа. Ни малюсенького.

А дом, телефон, квартира, в которую он меня поселил – это как он умудрился? – незаметно для себя втягиваясь в рассуждения, поинтересовался Шатов.

– Загадка природы, брат. Все, что у нас на него есть – это благодаря тебе. Описание, образцы тканей и крови...

– Откуда? Хотя, понял...

– Вот именно, ты очень удачно ткнул его тем колом в лицо. У нас есть волосы с его головы, но у нас нет ни единой фотографии и ни одного самого завалящего отпечатка пальцев.

– То есть, результатом ваших поисков стало убеждение в его гибели?

– Ни хрена. Если бы он только пропал бесследно. Мы не смогли узнать откуда он взялся и сколько времени вообще здесь был, – теперь уже Хорунжий скатала из многострадального листка бумаги шарик и запустил им в зеркало за спиной. – И хрен бы мы его нашли, если бы он не захотел подать нам знак...

Хорунжий замолчал, давая возможность Шатову обдумать сказанное и высказать свое к этому отношение.

Обдумать и высказать. Высказать и обдумать. Обдумать... Голова уже просто не варит. Совсем не варит. Абсолютно. Не требуют от живца разумного поведения. Не требуют. И не заставляют понимать, для чего в него засовывают крючок.

– Подожди, Миша, – Шатов с некоторым удивлением понял, чего именно добивался Хорунжий, какую мысль пытался внушить, – почему ты решил, что это знак от него?

– Вот! – удовлетворенно протянул Хорунжий, – вот именно. Мы вели себя так, будто он жив. А теперь почему бы нам не вести себя так, будто он мертв.

– Стоп, стоп, стоп! – Шатов поднял руки. – Я перестал понимать что-либо. Как это?

– Это не важно.

– Как это не важно? Вы хотите сделать из меня наживку, а я...

Хорунжий смотрел на Шатова с демонстративным вниманием. Смотрел молча.

– Я... – Шатов снова задумался, потом, вздрогнув, – спро-

сил, – ты хочешь сказать, что я наживка, но не ваша? Я его наживка?

– Его – это кого? – переспросил Хорунжий.

– Того, кто убил этих людей.

– Кого? – снова спросил Хорунжий.

– Что ты от меня хочешь услышать?

– Ты думаешь, что это Дракон? – тихо спросил Шатов.

– Не знаю. Никто не знает.

– Что тебе нужно от меня? – Хорунжий промолчал.

– Что вы все от меня хотите? Вы думаете, что я смогу вас привести к нему? Что вы ждете все? – Шатову хотелось кричать, но все это он только прошептал.

– Ты не сможешь привести нас к нему. Он не позволит.

– Все-таки, вы верите, что этот маньяк остался жив?

– Это не важно, во что мы верим. И если говорить о тебе как о наживке, то...

– То я не ваша наживка, а его? – Шатову показалось, что время замерло, превратилось в кристалл, в янтарь. И в глубине застывшей массы закован Шатов, пузырьки его страха, пылинки его надежды...

– Может быть – да, – сказал Хорунжий. – Может быть – нет. Я не знаю, чего именно захотят от тебя менты. Честно – не знаю. Сегодняшний разговор был нужен для того, чтобы...

– Чтобы завести меня? Чтобы я на крючке вел себя по бойчее? Или как?

– И для этого тоже, – честно признался Хорунжий.

– А для чего еще?

– Для чего?.. – Хорунжий усмехнулся. – Ты должен знать, что мы...

– Вы?

– Да, мы – я и кое-кто другой, будем тебя подстраховывать. На всякий случай.

– Из чистого альтруизма?

– Из соображений выгоды. Мы обеспечим безопасность твоей жены. Если запахнет паленым – тебя мы тоже попытаемся вытащить.

– Мне не нравится слово «попытаемся».

– Мне тоже, представь себе.

– И все это только для того, чтобы поймать одного маньяка? – спросил Шатов.

– А тебе какая разница? Может быть, все это делается для того, чтобы спасти тебе жизнь?

– Не смейся, Михаил, не нужно, – Шатов даже смог засмеяться, не смотря на куски люда, в которые превратились его мозг и сердце. – Если вам понадобится моя жизнь...

– Мы попросим у тебя разрешения, – пообещал Хорунжий, вставая из-за стола.

– Не смешно, – Шатов тоже встал, – теперь куда?

– Теперь с тобой снова пообщается Бочкарев, а я пойду – дела, – Хорунжий протянул руку Шатову.

– Не бойшься, что не пожму? – спросил Шатов.

– Боюсь.

Шатов пожал руку Хорунжему:

– Пока.

Хорунжий подошел к двери, остановился, обернулся к Шатову:

– Извини, если что не так.

– Бог простит, – ответил Шатов.

– На это вся надежда.

Глава 2

Шатов открыл дверь квартиры своим ключом. Они с Витой всегда открывали дверь самостоятельно, не нажимая на кнопку звонка. У каждого из них был свой ключ, каждый из них имел право самостоятельно решать – приходить или нет. Все это напоминало игру, но Шатов знал, что Вита относится к этому очень серьезно.

Она не хотела быть обузой. Она не хотела превращаться в привычку. Она... Шатов это понимал, но точно также он понимал, что больше всего Вита боится, что Шатов может превратиться в привычку или обузу. Каждый раз, возвращаясь домой, Шатов боялся, что увидит в ее глазах разочарование. Каждый раз...

Он называл Виту своей женой, но никакого официального закрепления их отношений Вита не разрешила.

– Я хочу любить тебя только за то, что ты – Евгений Шатов, – сказала Вита, – и я не хочу, чтобы ты превращался в мужа, а я – в жену. Ты имеешь право меня любить, и я не хочу, чтобы это право превращалось в обязанность.

Шатов смирился не сразу, пришлось выдержать несколько очень напряженных разговоров, прежде чем стало понятно – никакого другого варианта их отношений Вита не примет.

– Я пришел, – сказал Шатов, сняв куртку и туфли, – встречайте.

– Здравствуй, Евгений Шатов, – Вита остановилась на пороге комнаты.

– Понимаешь... – Шатов нервно потер руки, – я был очень занят и не смог перезвонить...

Вита молча улыбнулась, разглядывая Шатова.

– Я... Ну правда, не мог... Был очень напряженный день... – по дороге домой Шатов решил, что о предстоящем расставании лучше сказать сразу, но все приготовленные аргументы разом испарились. Как исчезла и уверенность в том, что отъезд Виты вообще нужен.

Я не смогу приходить в пустую квартиру, подумал Шатов. Я не смогу...

– Прости меня, пожалуйста... – жалобно протянул Шатов, протягивая руки.

– Я вас прощу, Евгений Шатов, при точном выполнении вами ряда тяжелых и унижительных условий.

– Согласен, – не задумываясь, кивнул Шатов, – приказывай, госпожа!

– Для начала... – капризно протянула Вита, – вам придется отправиться в ванную и смыть с себя пыль и скверну.

– Уже бегу.

Горячая вода была, Шатов торопливо разделся и стал под душ. Хорошо. Не душ, хотя душ – это тоже неплохо. Хорошо то, что у него есть Вита. Хорошо, что он любит Виту. Хорошо, что Вита, похоже, тоже любит его. Не смотря ни на что. Не смотря на то, что журналист превратился в ночного сто-

рожа, что какой бы маленькой ни была ее зарплата, его жалование было еще меньше. Не смотря на то, что Шатов так и не объяснил ей, кто и почему разгромил ее квартиру, и что именно произошло тогда с Шатовым.

Я не могу объяснить, сказал тогда Шатов, и она просто кивнула, соглашаясь. Когда он вернулся домой, избив главного редактора «Новостей» и ждал приезда милиции, Вита сидела на диване рядом с ним и молча, ни о чем не спрашивая, гладила его по руке.

Шатов вытерся, надел спортивный костюм и вышел из ванной:

– Жду твоих дальнейших указаний, госпожа.

– И ты их сейчас получишь, Евгений Шатов, – Вита пома-
нила Шатова пальцем, ушла в комнату и села в кресло.

– Ужина не будет, – сказала Вита, когда Шатов вошел. –
Во-первых, уже слишком поздно для еды. А во-вторых, у нас
нет денег. Мне задержали зарплату.

Вита сказала это просто, без надрыва или обиды. Просто констатировала факт. Шатов сжал зубы и сел на пол возле ее ног:

– Извини.

– Чушь. Голодание – это полезно для здоровья.

– Конечно, – согласился Шатов, – конечно. Но ты все равно
меня извини.

– Хорошо, я тебя извиняю, – Вита провела рукой по влаж-
ным волосам Шатова. – Я тебя извиняю и требую выполне-

ния моих условий.

– Только прикажи, – Шатов закрыл глаза, прислушиваясь к тому, как ее пальцы осторожно прикасаются к его лицу.

– Приказываю немедленно сообщить, зачем мне сегодня пришлось бежать в фотоателье и фотографироваться для заграничного паспорта.

– Что? – Шатов попытался обернуться к Вите, но она его мягко остановила. – Ты фотографировалась?

– Да. Сразу после обеда ко мне в аптеку пришел тот самый парень... Который привозил к тебе врача в то утро.

– Хорунжий...

– Он что – казак? – весело удивилась Вита.

– Это у него такая фамилия, – автоматически ответил Шатов.

– Да, а зовут его Михаил.

– Михаил.

– Пришел Михаил и попросил меня немедленно сходить к фотографу. Причем – в срочное фото. Сказал, что это ты распорядился все сделать так быстро, очень удивился, что ты не перезвонил мне, отобрал у меня квитанцию, и сам, насколько я понимаю, получил снимки. А я отправилась в аптеку.

– Он больше ничего не говорил? – стараясь оставаться спокойным, спросил Шатов.

– В общем – нет. Только просил передать тебе вот это, – Шатов почувствовал, как Вита потянулась куда-то, не вста-

вая с кресла. — Деньги.

Деньги. Шатов взял из рук Виты несколько свернутых в двое стодолларовых купюр, зачем-то повертел деньги в руках.

— Что это может означать, Евгений Шатов? — спросила Вита.

— Это... — протянул Шатов, лихорадочно пытаюсь придумать хоть что-нибудь. — Это означает, что я...

— Ну-ка, ну-ка, — подбодрила Вита, — ты всегда был особенно силен в экспромтах.

— Это означает, что я нашел, наконец, нормальную работу, и вот даже получил аванс, — Шатов пересчитал деньги и подумал, что исходя из суммы аванса, называть должность меньше, чем управляющий серьезного банка, нельзя.

— Тысяча долларов — это очень хороший аванс, — сказала Вита.

— Да, — кивнул Шатов. — Понимаешь...

Вита засмеялась:

— Обожаю слушать, как ты врешь.

— Я не вру, я действительно работаю теперь в другом месте. Только сегодня все решилось.

— И где же ты работаешь?

— В газете. Я работаю в газете, в должности редактора отдела. И... Я не хотел тебя обнадеживать заранее... Я вот сегодня уволился из магазина и положил трудовую книжку в редакцию... — Шатов говорил извиняющимся тоном, наде-

ясь, что не слишком фальшивит.

В принципе, он не слишком искажал истинное положение дел. Действительно, сегодня в его трудовой книжке появилась запись о том, что он отныне редактор отдела расследований. В газете «Контраст». Правда, до его прихода в газету, там не было не то что редактора отдела расследований, но и самого отдела. А вся редакция состояла из главного редактора, компьютерщика, корректора и двух корреспондентов, по совместительству еще и выполнявших обязанности наборщиков.

И еще Шатов надеялся, что Вите не придется заходить в пропахшую чем-то прелым и невымытым комнату в коммуналке, именуемую редакцией. С тысячей долларов аванса все это сочеталось слабо.

– Мне даже выдали удостоверение, – спохватился Шатов, и попытался встать, – хочешь, покажу?

– Я тебе верю, Евгений Шатов, – прохладная рука коснулась губ Шатова, – хотя ты совершенно не умеешь врать. И даже то, что ты стал редактором отдела, вовсе не внесло ясность в то, что я ходила к фотографу.

– Ну как же? – Шатов умудрился придать своему голосу удивление. – Не исключено, что мне придется ехать в командировку за границу. В длительную. А без супруги... Кстати, а почему это ты сказала, что у нас нет денег и оставила меня без ужина? А доллары?

– Это твои деньги, – спокойно ответила Вита. – И не мне

решать, что с ними делать.

— А с ними делать... — Шатову вдруг показалось, что он нашел замечательный вариант, — давай плюнем на все и махнем сейчас в какой-нибудь клуб. На всю ночь. А потом, утром, ты позвонишь на работу и скажешь, что берешь отгул, а потом...

— А потом еще и ты позвонишь на свое новое место работы и сообщишь, что решил начать свою трудовую деятельность с прогула, — в тон ему подхватила Вита. — Нет уж, Евгений Шатов, сегодня у тебя тяжелая судьба — отправляться в постель с въедливой женщиной, которая внезапно обнаружила, что твое присутствие ее возбуждает. Намек понятен?

— Еще как! — Шатов поцеловал Виту в ладонь. — Этот намек спасает сегодня тебя от изнасилования, а меня от статьи за вступление в половую связь с применением силы, угрозы силы, беспомощного состояния жертвы или своего служебного положения.

— Какой ужас! Ты собирался сделать все это сразу?

— По очереди, — Шатов обернулся и встал на колени. — Вначале угроза, потом сила, потом беспомощное состояние, потом...

— Ловлю на слове, — Вита увернулась от поцелуя Шатова и встала с кресла. — Ты пока подготовь постель, а я схожу в душ, чтобы...

Зазвонил телефон. Шатов застонал.

— К вам звонят, господин редактор отдела, — сказала Вита,

вставая, – постарайтесь говорить кратко и лаконично, иначе это вы подвергнетесь насилию. И я подозреваю – в извращенной форме.

– Да, – сказал в трубку Шатов, проводив Виту взглядом.

– Это Хорунжий.

Шатов глубоко вздохнул:

– Вы мне хотите что-то объяснить?

– Я хочу вас предупредить. Завтра в восемь часов тридцать минут за вами заедет такси. К этому моменту вы должны будете вместе с женой собраться вроде как для пикника. Вы уже переговарили с женой о ее загранпоездке?

– Еще нет.

– Плохо, но не страшно. Вы...

– Не страшно? Какого черта ты поперся к ней? И что это за деньги? И...

– Я поперся к ней для того, чтобы ускорить процесс. Деньги, которые я ей передал для вас – это как раз сумма, которую она должна будет взять с собой, чтобы задекларировать на таможне. И, пожалуйста, пусть она ничего не берет с собой лишнего. Пусть она вообще ничего не берет с собой, кроме того, что взяла бы в обычную поездку в лес.

– Что ты задумал? – срывающимся шепотом спросил Шатов, оглядываясь на дверь комнаты.

– Мы уже обо всем переговарили, господин Шатов. У вас есть время до утра, чтобы все оговорить с женой. Только...

– Что только? – перебил Шатов, – Что только?

– Я не думаю, что стоит ей все объяснять подробно. Она произвела на меня впечатление очень разумного человека. Поэтому – не мудрствуйте, а просто попросите выполнить...

– Не лезь в наши отношения! – уже почти выкрикнул Шатов.

– Извини, – в голосе Хорунжего действительно прозвучало искреннее раскаянье. – У нас просто очень мало времени. Мне сегодня с трудом удалось передвинуть срок твоего включения в группу на один день. Завтра к вечеру ты должен будешь...

В комнату вошла Вита, и Шатов не стал дослушивать Хорунжего до конца.

– Хорошо, я понял, – очень деловым тоном сказал Шатов. – До завтра.

– До завтра, – отозвался Хорунжий.

– Знаешь, какая у меня есть мечта? – спросила Вита.

– Не знаю, – Шатов снял покрывало с тахты, достал из шкафа постель.

– Я хочу, чтобы ты стал безработным.

– Ага, или пенсионером по инвалидности, – подхватил Шатов.

– Зато ты был бы всегда дома, и не вел длинные деловые разговоры по телефону вместо того, чтобы...

– Готово, – отпрапортовал Шатов.

Вита села на постель, поправила волосы:

– С чего мы собирались начинать? Кажется, с применения

силы?..

– С угрозы применения.

...Тело Виты еле заметно вздрогнуло. Заснула, понял Шатов. Вита всегда засыпала вот так, внезапно, чуть вздрогнув. Теперь главное – не разбудить ее неловким движением.

Шатов прикрыл глаза. Спать не хотелось. Возбуждение спадало медленно, сердце все еще билось учащенно. Прошло три месяца с их первой ночи, но всякий раз это происходило как... Нет, не как первый раз. Все происходило так, будто когда-то они были одним целым, потом надолго расстались, а потом встретились снова. В минуты близости они не ощущали себя парой, это Шатов знал точно, они были одним существом, купающимся в потоке наслаждения.

Вита еле слышно что-то пробормотала. Шатов не разобрал что именно, но в душе защемило. Не нужно ей никуда уезжать. Не нужно. Все это только наваждение. Бред. Ночной кошмар.

Не мог выжить Дракон. Не имел права. Шатов не хотел, чтобы Дракон остался в живых. Он мертв.

Шатов сжал кулаки, и Вита, почувствовав сквозь сон движение его мышц, снова что-то тихонько сказала.

Он слишком поверил в свое везение. Он почему-то решил, что достаточно только его желания. Стоит только захотеть, и они смогут быть счастливы.

Шатов открыл глаза. В комнате было темно, но ему показалось, что между стен плавают обрывки тумана. И словно

потянуло ледяной промозглостью болота. И словно темная тень мелькнула в глубине. И голос.

– Я вернусь, – сказал голос.

Шатов попытался ответить, но горло не слушалось.

– Я вернусь, – снова повторил голос. – Ты ничего не можешь с этим поделать. Я приду сегодня, завтра, вчера... Я никуда не уходил. Если бы я ушел – ты тоже исчез бы, ведь ты – только моя тень... Слышишь? Возмнившая невесть что тень...

– Нет... – одними губами прошептал Шатов. – Я...

– Ты. Что ты?

– Я...

– Ты даже сказать ничего не можешь, только шелестишь, как сгоревшая бумага. Ты сжег бумажного дракона? И сам стал пеплом. Ты бросил меня умирать в болоте – и сам остался там же. Теперь ты будешь тонуть в нем, медленно захлебываться грязью, терять опору под ногами, звать помощь – и не получать ее, – голос из темноты становился то тише, то громче.

Шатову захотелось зажать уши руками, но на его плече спала Вита.

Туман сгущался. Теперь его космы ощутимо скользили по лицу Шатова, оставляя влажный холодный след. Ледяной комок опустился на лицо Шатова, мешая вздохнуть.

Нет, подумал Шатов. Сказать этого он уже не мог – губы не подчинялись. Нет. Нет...

– Нет! – Шатов проснулся от собственного крика.

– Что случилось? – спросила Вита.

Шатов промолчал, тяжело дыша.

– Тебе что-то приснилось?

– Да, – выдохнул Шатов.

– Что?

– Просто кошмар. Я даже и не помню...

– Успокойся, Евгений Шатов, я рядом, я тебя смогу защитить. Ты поспи, а я посторожу. Хочешь? – Вита прикоснулась губами к его лицу.

– Не знаю. Я ничего не знаю. Я... – Шатов вдруг решил, что вот именно сейчас нужно все Вите объяснить, рассказать обо всем и предупредить об отъезде. – Я...

– Что?

– Вита, – голос прозвучал фальшиво и слабо.

– Я слушаю тебя.

– Понимаешь, Вита, – Шатов провел рукой по ее плечу, – я не сказал тебе...

Вита молча ждала.

– Я должен был... но... я...

Молчание.

– Тебе... Я... – Шатов замолчал, поняв, что все равно не сможет ничего внятно объяснить.

Захотелось заплакать от бессилия. Как он может рассказать Вите, что ее летом чуть не убили из-за него? Как он сможет ей объяснить, что из-за него погибло несколько человек,

а одного он убил своими руками? И как он сможет ей объяснить, что тот, убитый им лично, не умер, а вернулся? И что ее жизнь снова под угрозой? Как? Как? Как?

– Все будет хорошо, – тихо сказала Вита, – я сделаю все, что ты попросишь. Я смогу. Ты мне ничего не объясняй. Скажи только что нужно сделать.

Шатов застонал.

– Не нужно, Евгений Шатов. Все будет хорошо. Все...

В дверь позвонили. Когда-то Шатову пришла в голову мысль поставить звонок с трелью соловья. И вот теперь птица подала голос. Потом, после секундной паузы – снова. И снова.

– К нам пришли, – немного растерянно произнесла Вита.

– К нам пришли, – вслед за ней повторил Шатов.

– Нужно открыть, – сказала Вита.

– Я сейчас, – Шатов встал с дивана и попытался нашарить на кресле одежду. – Черт!

Щелкнул выключатель бра.

Соловей в прихожей заливался настойчиво.

– Черт, – повторил Шатов, натянув спортивные брюки.

Это приперся Хорунжий, подумал он. Мише снова пришла в голову замечательная идея, и он ринулся ее осуществлять. Убью, подумал Шатов.

– Убью, – сказал Шатов вслух, подходя к двери. – Кто?

Из-за двери невнятно что-то ответил мужской голос. «Евгений Шатов» – это все, что удалось разобрать.

– Ну я – Евгений Шатов, – Шатов щелкнул засовом, открыл замок и распахнул дверь.

Только после этого в голову вдруг ледяной струйкой просочился страх. А что если?..

Перед дверью стояли двое. Первым – высокий парень в кожанке, надетой поверх адидасовского спортивного костюма. Крепко сколоченный парень, отметил про себя Шатов. И парня этого крепко сколачивали с головы. И при этом не особо следили за эстетикой. Голова в результате получилась бугристая, с оврагами и промоинами. Непаханая целина.

Из-за его плеча выглядывало создание более утонченное. Во всяком случае, внешне. Возраст создания легко укладывался в диапазон от шестнадцати до тридцати. Ни девушкой, ни дамой подобную красотку Шатов бы назвать не решился. Он всегда старался слова употреблять точно.

– Евгений Шатов, типа? – спросил парень, заглянув в бумажку.

– В натуре, – кивнул Шатов.

– Я квартиру гляну, – сообщил спортсмен.

– Я тебе щас гляну, – пообещал Шатов.

– Не понял? – мышцы на лице спортсмена чуть дрогнули, пытаюсь изобразить удивление.

– Тебе чего нужно? – спросил Шатов.

Создание за спиной парня выдуло изо рта пузырь жвачки.

– Это Поперечная? – спросил парень, заглянув в бумажку.

– Поперечная, бывшая Продольная. Что дальше?

– Дом пять, квартира сто три?

– Сто три.

– Ну так чо? – парень протянул бумажку Шатову.

Жвачка лопнула, облепив ярко покрашенные губы.

Шатов подавил легкий приступ тошноты и заглянул в протянутый обрывок бумаги. Адрес был написан его. И Фамилия с именем тоже.

– Ну? – спросил Шатов, протягивая бумажку назад.

– Обслуживание заказывали? – покопавшись в памяти, спросил спортсмен.

Фраза далась ему с видимым трудом.

– Вот это? – Шатов указал мизинцем на красотку.

– Его, – кивнул парень, – то есть, ее. На всю ночь.

– Проститутку? – уточнил Шатов.

– Служба эмоциональной разгрузки, – справившись, наконец, со жвачкой, выпалило создание.

Голосок был заслуженный, с хрипотцой, что сразу же сузило диапазон возраста до интервала двадцать пять-тридцать.

– Это вы меня хотите эмоционально разгружать? – Шатову стало смешно.

– Чего, типа, прикалываешься? – спортсмен насупился. – Заказывал шалаву?

– Не заказывал, – покачал головой Шатов.

– Что там у тебя? – из глубины квартиры спросила Вита.

– Ты мне шлюху не заказывала случайно? – не оборачи-

ваясь, спросил Шатов.

– Не помню. А что – принесли? – Вита подошла к двери и положила руку на плечо Шатова.

Спортсмен несколько ошалело посмотрел на Виту, потом перевел взгляд на Шатова:

– Не заказывали?

– Абсолютно.

– А, может, друзья... – пробормотал парень.

– Я женатый человек, – сообщил Шатов.

– Может, напутали чего? – лицо спортсмена, напрягшись, изобразило растерянность. – Тогда – извини.

– Ничего-ничего, – Шатов закрыл дверь и обнял Виту.

– Да, Евгений Шатов, – сказала Вита, – не подозревала, что вы настолько развратны.

– Ужасно.

– Ужасно развратны, – Вита улыбнулась, – так вот куда уходят все ваши деньги.

– Гусары за любовь не платят, – заявил Шатов, – и даже женам денег не дают.

– Да, это аргумент, – согласилась Вита, – это очень веский аргумент. Значит, у тебя есть щедрые друзья, со странным чувством юмора.

– Друзья? – переспросил Шатов, с ужасом ощущая, как веселость испаряется и на ее место приходит...

– Что с тобой? – голос Виты долетел до Шатова словно издалека, словно между ними внезапно встала стена. – Что

случилось?..

...Лифт не работает, и они пошел пешком. Наташка плетется следом за Душком. Пока они поднимались на восьмой этаж, она еще помалкивала, лишь один раз, споткнувшись, разразилась руганью. Теперь она ругается беспрерывно.

Говенная ночь, гребанный заказ, траханный мужик, недоделанные ступеньки...

И вонь из мусоропровода.

Блин, снова чуть каблук не своротила, твою мать.

Душок на ругань не реагировал, тяжело перекатывая в голове булыжники мыслей. Какого хрена? И адрес тот, и фамилия у мудака та же... Не заказывал!..

И баба дома...

Душок успел подхватить в очередной раз споткнувшуюся Наташку:

– Осторожнее ноги ставь!

– Ноги? Тут раком ползти нужно, чтобы не навернуться! – Наташка сплюнула. – Темень, как у негра в заднице, блин!

Душок снова промолчал.

Нужно будет разобраться, чего это диспетчер напутал. Козел. Если это он ошибся – будет битый. Пехом на восьмой этаж переться! Козел.

Или это мужик соврал? Типа, заказал девочку, а тут жена приехала. Бывает.

Дверь подъезда открылась со скрипом, Душок огляделся. Наташка, воспользовавшись паузой, достала из сумочки си-

гарету и закурила.

Сегодняшний водила, Ерема, машину поставил на стоянке метрах в пятидесяти от подъезда. И кемарит, наверное, не глядя по сторонам. Вон, даже фары не горят.

Душок свистнул, эхо отразилось от стоящих квадратом домов.

– Спит, сука, – сказал Душок.

– Пошли, разбудим, – предложила Наташка, затягиваясь сигаретой.

– Пошли, – Душок потянулся, хрустнув суставами.

Ерема сейчас схлопочет, решил Душок, должен же кто-то сейчас схлопотать по хлебалу. Сто раз сказано было козлу, что нужно следить за подъездом на случай ментов или другой какой неприятности. Следить, а если нужно – и подписаться в разборку. Мудак.

Душок ускорил шаг, Наташка запротестовала невнятно, но Душок на это внимания не обратил. Догонит, шалава.

Подойдя к машине, Душок хлопнул ладонью по капоту, но Ерема, видать, совсем вырубился, не отреагировал на такое вопиющее неуважение к тачке.

– Просыпайся, козел! – гаркнул Душок, распахивая дверцу.

Свет в салоне не зажегся, что-то темное мешком сползло к ногам Душка с водительского места.

– Твою мать! – Душок инстинктивно наклонился, подхватывая тело.

Что это мертвое тело, он сообразил только на второй секунде, попытался оттолкнуть труп и выпрямиться, но успел только первое. Рядом с ним вдруг шевельнулась темнота, и провела чем-то раскаленным по горлу.

Душок всхлипнул и упал на колени. Темнота полыхнула беззвучно, слепящая вспышка поглотила все вокруг: машину, дома, деревья, ночь... Умирая, Душок почувствовал, что и его самого сожгла эта вспышка.

Наташка не заметила почти ничего. Дверца щелкнула замком, что-то просипел Душок, словно лишившись речи. Показалось, будто что-то тяжело упало.

Вытащил Ерему из машины, подумала Наташка, теперь отмудохает немного...

– Ты там не очень... – сказала Наташка и осеклась, когда кто-то резко шагнул к ней навстречу. – Чего?..

И умерла. Умерла еще до того, как тело ее упало на асфальт. Ей повезло – не успела даже испугаться...

...-Что с тобой? Шатов!

– Ничего, – простонал Шатов.

Он стоял в коридоре, упершись руками в стену, а Вита стояла рядом, глядя его по щекам.

– Тебе плохо?

– Не повезло тебе с мужиком, Вита, – Шатов прислонился к стене спиной, – достался какой-то припадочный.

– Пойдем, ляжешь.

– Сейчас, – Шатов взглянул на свои руки, – трясутся...

– Все пройдет, тебе нужно лечь, – Вита схватила руки Шатова в свои, сжала, словно пытаясь унять их дрожь, – пойдем, все будет хорошо.

– Нет. Не будет, – Шатов сел на пол, – не будет. Будет только хуже. Гораздо хуже.

– Что с тобой, Женя? – Вита стала на колени возле Шатова.

– Пока – ничего. Пока я просто схожу с ума. Пока я просто еду крышей. Сегодня. А ты завтра едешь за границу.

– Ну, миленький, ну, хорошенький, – жалобным голосом попросила Вита, – ну пожалуйста...

– Помоги добраться к телефону, – Шатов попытался встать, и Вита подхватила его под руку.

Нужно добраться до телефона – эта мысль пришла в голову разом, отбросив в сторону все возможные сомнения. Позвонить Хорунжему. Позвонить Хорунжему и рассказать о...

О чем? О странном визите? С этим можно подождать до утра. О трех трупах возле дома? А с чего он взял, что возле дома три трупа? С чего он вообще решил, что совершено убийство? Привиделось?

Ну и что? У тебя, Евгений Шатов, сегодня был слишком напряженный день. Ты сегодня ничего не жрал с самого утра. Ты сегодня узнал, что жив человек, которого ты считал мертвым. Ты сегодня...

У него уже было такое, тогда, ночью в лесу. Когда вдруг реальность сменилась бредом. Когда он, оставаясь Шатовым,

почувствовал себя одновременно и Драконом и его жертвой, увидел то, чего не мог видеть.

Видение? Бред, оказавшийся потом правдой? И сейчас оно снова вернулось к нему? Зачем? За что?

И что сказать Хорунжему?

Шатов сел в кресло, взял на колени телефон. Что сказать?

– Да? – после первого же гудка ответил Хорунжий.

– Это Шатов.

– Слушаю, – голос Хорунжего не выразил ни удивления, ни недовольства.

– У меня, кажется, проблемы... – тихо сказал Шатов, оглянувшись на Виту.

– Конкретнее, – потребовал Хорунжий.

Шатов коротко рассказал о визите. Вита, не отрываясь, смотрела на него, сложив руки на коленях.

– Это все? – спросил Хорунжий.

– Нет... Понимаешь... Мне кажется... – Шатов отвел взгляд от Виты, – мне кажется, что этих двоих и водителя только что убили...

– Ты что-то слышал?

– Нет... Не слышал... Я, – Шатов облизал губы, – я... мне показалось... Померещилось... Как тогда, в лесу, помнишь, я рассказывал? Помнишь?

Пауза.

– Помню. Никому не открывай. Впустишь только меня. И, на всякий случай, пусть твоя жена подготовится к отъезду.

– Я...

– Ты меня понял?

– Понял...

– Жди, – Хорунжий положил трубку, Шатов, помедлив, тоже.

– Что происходит, Евгений Шатов? – спросила Вита.

Шатов потер лицо.

– Я жду ответа, Евгений Шатов.

– Понимаешь, – Шатов посмотрел на свои дрожащие пальцы и сжал руки в кулаки, – в городе погибло три человека... Их, кажется, убили. И, понимаешь...

– Не понимаю.

– Я тоже не слишком понимаю... Тут... Тот, кто убивал... Убийца... Он связал все эти убийства со мной. С моим именем и фамилией. И милиция...

– Они думают, что это ты убивал?

– Нет, что ты, – Шатов сумел заставить себя улыбнуться, – нет. Они хотят выяснить, что за этим всем стоит... И для этого...

– Для этого нужно чтобы я уехала за границу?

– Да.

– А что еще?

– Не знаю. Вернее, нет, знаю, меня приставят к специальной группе, которая будет разыскивать убийцу...

– Почему именно ты?

Шатов вздохнул.

– Почему именно ты? – повторила свой вопрос Вита.

– Я... Ты помнишь, как ко мне по мобильному телефону звонил Арсений Ильич? В тот день, когда мы познакомились?

– Твой приятель?

– Приятель? – дрогнувшим голосом переспросил Шатов. – Нет, не приятель. Он... Как бы тебе это объяснить... Он... Убийца. Он убивал людей. Он убил почти три десятка человек за полгода...

– Тридцать человек?.. – переспросила Вита.

– Да. И он захотел использовать меня... Как приманку... Потому что кто-то стал убивать людей, подбрасывая его знак – бумажного дракона. И он решил выпустить меня, как наживку... Так получилось... Я не знал, думал, что... Там уже от меня ничего не зависело... Почти ничего... И он через меня нашел тех, других, убил, но со мной получилась накладка... Я... Мне повезло, и погиб он... Я думал, что он погиб. А теперь вот...

– Почему ты не сказал мне всего этого? – напряженным голосом спросила Вита.

– Я пытался... Но не смог. Я мог только попытаться защитить тебя...

– Так ты не шутил, когда говорил, что сражался за жизнь прекрасной дамы?

– Не шутил... Извини.

– За что? За то, что спас мне жизнь?

– За то, что чуть не сгубил тебя...

– Глупости, – сказала Вита, – глупости...

– Нет, это не глупости. Тебе придется уехать. Прямо сейчас. За тобой приедет Хорунжий. Ты уедешь... Хорошо?

– Тебе нужно, чтобы я уехала? Ты этого хочешь?

– Да. То есть, нет – не хочу. Но нужно...

– Иди ко мне, – позвала Вита Шатова, – иди ко мне...

– Он сейчас придет, – сказал Шатов, – Хорунжий сейчас придет.

– Иди, я тебя пожалею, – Вита протянула руки к Шатову.

– Не нужно. Я не могу. Я... Понимаешь, у меня такое ощущение, что это на моих руках кровь. Что я и тебя могу запачкать... Они ведь мертвы – эта проститутка и парень. И убили их только из-за меня. И я не знаю – зачем. И я могу только с ужасом догадываться – кто. И я... – Шатов прижал руки к лицу, – я словно заражен смертельным вирусом. И я не хочу заразить им еще и тебя.

– Глупости, – Вита встала с дивана и подошла к Шатову, – у меня иммунитет. Слышишь?

– Слышу, – Шатов посадил Витту к себе на колени и обнял за плечи, – слышу.

– Глупый, зачем ты это носил в себе? Мы же с тобой вместе... Зачем ты скрывал?

– Не знаю...

– Глупый...

– Да, глупый... Ты уедешь?

– Я не хочу...

– Ты уедешь?

– Я не хочу, но если ты скажешь – уеду.

– Ты уедешь... – прошептал Шатов.

– Я уеду, – ответила одними губами Вита.

– И вернешься, когда все уже будет позади. Когда Дракон исчезнет...

– Когда ты победишь дракона?

– Когда я...

В прихожей вскрикнул соловей.

– Это Хорунжий, – сказал Шатов.

– Я открою, – предложила Вита, вставая.

– Нет, я сам, – Шатов встал с кресла и только дойдя до входной двери понял, что двигался осторожно, вдоль стенки.

– Кто? – спросил Шатов.

– Хорунжий.

Шатов протянул руку к замку, но замер:

– Где мы с тобой познакомились?

– Тебя били в клинике «Гиппократ» как раз перед моим приездом.

Шатов открыл замок, дверь и отошел в сторону.

Первым вошел Хорунжий, за ним – девушка.

– Кто это? – спросил Шатов, рассматривая длинные черные волосы гостыи.

– Потом объясню, – Хорунжий огляделся, – все нормально?

– Наверное, да.

– Ты уже все объяснил жене?

– Он мне уже все объяснил, – сказала Вита, – я собираю вещи.

Хорунжий оглянулся на свою попутчицу:

– Проинструктируй, а мы пока пообщаемся на кухне.

Шатов протянул руку к выключателю, но Хорунжий его остановил:

– Лучше в темноте.

– Как скажешь.

– Так и скажу, – Хорунжий осторожно прошел на кухню и сел на табурет. – Такие дела.

– Можно точнее? – поинтересовался Шатов.

Слабость и неуверенность куда-то девались, оставив только злость и раздражение. Шатов даже не пытался анализировать смены своего настроения.

– Можно точнее, – согласился Хорунжий. – У тебя во дворе три трупа. Ты угадал.

– Угадал... – протянул Шатов, – в машине?

– В машине. Чем думаешь, их убили?

– Водителя ножом в шею, сутенеру перерезали горло, а шлюхе ткнули в сердце... – чуть прикрыв глаза, сказал Шатов.

– А шлюхе в сердце, каменное сердце... – напевно произнес Хорунжий, – тебе бы, Шатов, в цирке выступать.

– Угадал? – у Шатова все оборвалось внутри.

До последней секунды он надеялся, что это неправда, что это ему примерещилось, что он просто поддался страху.

– Угадал. И у меня такое чувство, что твой приятель сейчас сидит возле дома и ждет реакции с твоей стороны.

– Дракон?

– А не знаю! Тот, кто затеял эти игрища.

– А почему он уверен в моей реакции?

– А он и не уверен. Он ждет. Или не ждет.

– Но я ведь не могу знать об убийстве, – неожиданно для себя выпалил Шатов. – Вернее, он не может знать, что я могу знать об...

– На хрена ему это знать? Ты бы позвонил мне в любом случае, сразу после визита проститутки.

– Тебе?

– Ну, не мне, а кому-то другому... Тому, кто тебе помогал выпутываться из летних передраг.

– Чушь.

– Нет, не чушь. Тебя до сих пор еще не выдернули из грядки, хотя прошло уже несколько дней с первой засветки твоего славного имени. Так?

– Так.

– Вот твой доброжелатель и решил убить сразу трех зайцев... – Хорунжий сделал паузу, поняв, что невольно получился мрачный каламбур, – подбросить еще раз тебя в поле зрения милиции, проверить, к кому ты бросишься, или кого к себе вызовешь.

– А третий?

– Третий... Ему просто нравится убивать, – лица Хорунжего видно не было, но голос немного напрягся.

– И выходит, что мы пошли у него на поводу?

– С чего бы это?

– Ты приехал, осмотрел машину, потом пошел в мой подъезд...

– Ни фиги. Через десять минут после твоего звонка на стоянку подъехал автомобиль с двумя пассажирами на борту. Они заметили трупы, ужасно испугались, достаточно громко обсудили эту проблему и решив, что с ментами лучше не связываться, резво отбыли в неизвестном направлении. Если же кто-то решил уточнить, куда именно они уехали, и прицепился сзади, то выяснит только, что два приятеля прибыли в Центр досуга, где и просидели до утра, время о времени с ужасом в голосе обсуждая свою находку.

Но хвоста за ними не было. Значит, доброжелатель мог сидеть к одному из домов и наблюдать, как через пять минут после первой машины к дому подъехал шикарный «мерс» и остановился возле второго подъезда твоего дома. Из «мерса» вышла слегка подвыпившая парочка, попросили водителя подождать пятнадцать минут и вошли в дом.

Водитель даже мотор не глушит. Ждет меня и мою даму.

– А как вы...

– Попали в третий подъезд? Очень просто. Еще в августе, после твоего счастливого возвращения, мы сняли, соот-

ветственно, трехкомнатную квартиру на пятом этаже второго подъезда и трехкомнатную квартиру пятом этаже твоего подъезда. У этих квартир смежный балкон, разгороженный лишь листом шифера. Дальше понятно?

– Понятно... – Шатов поморщился, все это напоминало глупые шпионские книги. – А твоя дама...

– А моя дама останется с тобой.

– Что?

– Что слышал. Мы хотели все это перевернуть завтра утром, подменить твою супругу на вылазке. Но пришлось делать сегодня.

– Мы готовы, – позвала Вита.

– Пошли! – Хорунжий встал с табурета и вышел в коридор.

Шатов – следом.

Вита стояла спиной к Шатову. Дама Хорунжего стояла перед зеркалом, поправляя что-то в причёске.

– Прощайтесь, – сказал Хорунжий.

Шатов протянул руку к плечу Виты, но остановился. Движение плеч? Осанка? Запах? Что-то остановило его движение.

– Вита? – Шатов прикоснулся к длинным черным волосам.

– Узнал, – засмеялась Вита. – А я боялась.

– Это парик, – сказал Хорунжий. – В дом вошла брюнетка и выйдет брюнетка. В доме была блондинка и останется

блондинка.

– Светло-русая, – поправила Вита.

– Светло-русая, – согласился Хорунжий.

– Меня зовут Вика, – сказала женщина, приехавшая с Хорунжим.

– Я Вике все рассказала, что делать по хозяйству, – Вита подошла к Шатову и погладила его по щеке. – Вика обещала о тебе заботиться.

– Я постараюсь, – Вика посмотрела Шатову в глаза и улыбнулась.

У нее была такая же прическа как у Виты, и фигура тоже была очень похожа.

– Нам пора ехать, – напомнил Хорунжий. – Вика все объяснит после нашего отъезда.

– Проинструктирует, – выдавил Шатов.

– Все будет хорошо, – прошептала Вита ему на ухо.

– Я буду скучать.

Хорунжий открыл дверь. Вика прошла на кухню.

– Это так нужно? – тихо спросил у Хорунжего Шатов.

– Помнишь, как он угрожал убить ее? – вместо ответа спросил Хорунжий.

Шатов кивнул. Он помнил, как волна безысходности и бессилия захлестнула его в тот момент. Помнил он также, как метался по промокшему городу, когда показалось ему, что Виту похитили, как готов был совершать глупости, как терял над собой контроль...

– Куда вы ее повезете? – спросил Шатов.

– Не знаю.

– Не ври.

– Честно – не знаю.

– Я ее не отпущу.

– Отпустишь. Подумаешь – отпустишь.

Шатов беспомощно взглянул на Виту, которая стояла, опустив руки, и молча слушала их диалог.

– Когда она вернется?

– Не знаю...

– Да что же это такое? Ты не знаешь куда, ты не знаешь когда...

– Существует вероятность, что меня могут расспросить с пристрастием. И существует вероятность, что я проболтаюсь. Ты хотел бы, чтобы от меня узнали, где находится Вита? – спокойно спросил Хорунжий.

– Нет, но я...

– А ты хотел бы, чтобы от тебя узнали, где находится Вита?

– Так будет лучше, – сказала Вита и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала Шатова.

– Утром к тебе наверно придут ребята из милиции, – предупредил Хорунжий. – Кто-то найдет трупы, звякнет ментам, те приедут, найдут указание в твой адрес...

– Стой, – Шатов шагнул к Вите, обнял ее за плечи и поцеловал, – все это скоро закончится. Скоро. Не больше месяца.

Я обещаю.

– Я верю.

– Все будет хорошо. Слышишь?

– Я знаю.

Вита отстранилась и начала спускаться по ступенькам. Хорунжий протянул руку Шатову:

– Удачи.

– Прощаешься? – спросил Шатов.

– Подозреваю, что мы с тобой некоторое время не увидимся. Связь через Вику.

– Понял, – Шатов смотрел, как Вита медленно исчезает в темноте.

– Я люблю тебя, Евгений Шатов, – сказала темнота голосом Виты.

Шатов не ответил. Молча стоял он на лестничной площадке, слушая как удаляются шаги. Потом стукнула дверь на пятом этаже, и все стихло.

Вита ушла. У него отобрали Виту. У него отобрали опору. У него...

Запершило в горле, словно уголек затлел в гортани. Вита... Проклятый день. Безумный день. Проклятый Дракон...

Зачем? За что?

Только из-за того, что он отказался умирать той августовской ночью? Только из-за того, что он посмел нарушить расчеты Дракона? Только из-за этого Дракон вернулся из его кошмаров?

Шатов вошел в квартиру, закрыл за собой дверь, в который раз за ночь...

– У нас проблема, – даже голос у нее немного похож.

– Еще одна?

– Да. У вас в квартире только один диван, – сообщила Вика.

– Двухспальный, – сказал Шатов.

Сейчас Вита спускается по лестнице второго подъезда. Ей что-то громко говорит Хорунжий.

Шатов присел на край дивана.

Вот сейчас они вышли на крыльцо. Спустились. Подошли к машине. Хорунжий наверняка смеется, рассказывает что-то громким пьяным голосом. От него ведь пахло алкоголем. Хорунжий очень аккуратный человек, внимательный к мелочам.

Вита также постарается выглядеть естественной, что-то скажет Хорунжему в ответ. И если кто-то действительно наблюдает за домом, то все будет выглядеть очень естественно. Очень естественно.

– Что? – переспросил Шатов.

– Раскладушки в доме нет? – повторила вопрос Вика.

– Нет. Молодожены не покупают раскладушек.

– Понятно, – кивнула Вика, – кому-то из нас придется спать на полу?

– У тебя есть привычка бросаться на чужих мужиков при первом удобном случае? – спросил Шатов.

– Нет.

– И у меня, поверь, нет настроения залазить на первую попавшуюся бабу. Просто ложись и спи. Я возьму еще одно одеяло.

– Ты с краю или к стене?

– С краю.

Вика молча сняла халат, оставшись в ночной рубашке, которую Шатов когда-то подарил Вите. Легла в постель.

– Ты мне ничего не должна сказать? – спросил Шатов.

– Этим утром тебе сообщат, что прикрепляют к группе майора Сергиевского в целях опознания и так далее. В общем, как единственного человека, знавшего убийцу в лицо и выжившего после этого.

– Покойников найдут ваши?

– Вряд ли. Пусть это сделают люди посторонние. Случайные прохожие или дворник.

– Резонно, – согласился Шатов задумчиво.

– Попытайся поспать, – сказала Вика.

– Сейчас, – какая-то мысль шевелилась в голове Шатова. Что-то он подумал такое, важное. Что-то...

– Что-то случилось? – Вика приподнялась на локте.

– Хрен его знает... – Шатов пожал плечами, – как-то провисает все в этой комбинации. Кто-нибудь, утром, найдет...

– Почему нет?

– Не похоже это на Дракона. Он предпочитал все контролировать жестко. Очень жестко. С двойной гарантией. Он

ничего не делал случайно. Все действующие лица его пьес отбирались очень точно, – Шатов взлохматил рукой волосы на голове. – Зачем присылать проститутку, если можно было убить кого угодно перед домом с тем же результатом.

– Нужно было, чтобы они пришли к тебе.

– Нужно было... Прислал бы цветы... Мало ли что? Мальчишку с запиской. А он прислал шлюху с пацаном. Зачем?

Вика с интересом смотрела на Шатова.

Тот встал с дивана и прошел по комнате:

– Имеем необходимость вспугнуть меня, натравить на меня милицию, причем, как можно быстрее... Что это нам дает?

– Что? – спросила Вика.

– Шалаву привезли мне на всю ночь... Значит, сутенер должен был вернуться на базу, а потом, утром, вернуться сюда... – Шатов снова сел на диван. – А он на базу не вернулся. Значит, его будут искать. Звякнут для начала на трубу, он не ответит, естественно, покойники по мобиле не разговаривают. Тогда они сверяются по записям заказов и приедут по адресу улица Поперечная дом пять, квартира сто три. То есть, ко мне.

И вот тогда...

В дверь постучали, уверенно и громко.

– Вот и приехали, – сказал Шатов. – Подъем.

Глава 3

Шатова поташнивало. Желудок вздрагивал в такт толчкам микроавтобуса, противная волна подкатывала к горлу, и требовалось усилие, чтобы ее остановить.

Тошнота. Это чувство не оставляло Шатова уже неделю, с той самой ночи, когда к нему вначале начали ломиться пацаны в поисках проститутки, а потом появились ребята из группы Сергиевского.

Резкие ребята майора Сергиевского... Как-то сразу у них и Шатова возникло взаимное чувство антипатии. С Шатовым не церемонились, Шатова не стеснялись, Шатову постоянно указывали на его место. Шатов терпел.

Его не стошнило возле машины, залитой кровью. Его не стошнило на следующий день, когда ночью его подняли из постели и заставили рассматривать в морге останки девушки, обнаруженные в лесу. Труп пролежал уже недели две, над ним поработали какие-то грызуны, но листок бумаги с инициалами Е.Ш., приколотый к груди отверткой, сохранился.

– Ты ее знаешь? Присмотришь. Получше присмотришь. Нет? Не вспомнил?

Потом, через два дня, Шатов стоял в квартире и смотрел на тела трех человек, отравившихся угарным газом. Два алкоголика крепко выпили с подругой, кто-то из них не загасил сигарету, огонь попал на диван... Обычная история. Баналь-

ная. Опасно засыпать с не загашенной сигаретой. Особенно, если на столе между пустых бутылок валяется конверт, подписанный: «Е.Шатов».

– Ты их знаешь? Встречался? Нет? А почему?

– Не почему... – Шатов сдержался, не стал устраивать истерики.

Шатов ждал. Это только начало, знал Шатов, это только начало. Дракон – живой дракон или его призрак – только играет. Только подталкивает Шатова. Даже игра еще толком не началась. Не началась.

Как не началась она и через день у отравившейся в кафе пятнадцатилетней девчонки. Школьнице стало плохо после выпитого чая, перед смертью она успела встать и сделать несколько шагов к двери. Ни в карманах, ни в сумочке ничего, связывающего ее смерть с Шатовым не было.

Салфетка с написанными красным фломастером его именем и фамилией аккуратно лежала на соседнем столике.

– Ты ее знаешь? Знаешь?

Тошнота.

Днем и ночью.

Каждую минуту.

И мысль – когда? Когда Дракон закончит подготовку и нанесет удар? Шатов не боялся этого. За последнюю неделю он стал этого хотеть. Чтобы... Чтобы у него появился шанс сделать хоть что-нибудь. Чтобы у него появилась возможность снова почувствовать себя человеком, а не тенью.

Сегодня погибла участковый врач. Шатов несколько раз вызывал ее к себе домой. Помнил только фамилию, не удосужившись тогда запомнить имя и отчество. Светлана Семеновна Фетисова, сказал Дима Климов. Сорок семь лет. Разведена.

Она не смогла дойти от двухэтажного здания поликлиники до троллейбусной остановки. Из фраз, которыми перебрасывались опера из группы Сергиевского, Шатов понял, что Фетисова вышла из поликлиники в половину девятого. В двадцать тридцать. У нее была вторая смена.

Саня Балазанов, старший лейтенант и единственный из группы с кем у Шатова не было пока открытого столкновения, глубокомысленно рассмотрев труп, заявил, что врачница, по-видимому, отошла метров на пятьдесят от здания, кого-то увидела, испугалась и попыталась вернуться в поликлинику. Ее нагнали и ударили чем-то тяжелым по затылку. Ударили очень сильно и точно – хватило одного удара.

Климов при этом посмотрел на Шатова так, будто это Шатов убил женщину.

Сергиевский стоял в стороне, безучастно рассматривая все происходящее, поэтому был единственным, кто услышал тихую реплику Шатова.

- Что ты сказал? – переспросил майор.
- Его кто-то спугнул, – повторил Шатов чуть громче.
- О! – восхитился Климов. – Наш интеллектual изволил сделать заключение!

– Господин Шатов сейчас еще скажут нам, где прячется злоумышленник! – подхватил Балазанов.

Оба подошли к Шатову.

Шатов демонстративно смотрел мимо них, на Сергиевско-го. Это все ерунда. Эти подколки ничего не значили. Эти подколки – мелочь, по сравнению с тем, что творится в душе у Шатова. Ерунда. Чушь. Мелочь...

– С чего ты взял? – не оборачиваясь спросил Сергиевский.

– Он даже не оттащил ее с дорожки. Чуть в сторону ее отодвинуть – и все, неделю бы искали.

– Пока не завонялась бы, – вставил Климов.

Балазанов хмыкнул.

– А ее нашли минут через пятнадцать после убийства, – сказал Сергиевский. – И сразу же позвонили по ноль-два. И клянутся, что никого возле тела не видели.

– Выходит, что какой-то сознательный прохожий заметил процесс, сдрейфил и убыл в неизвестном направлении... – подвел итог Балазанов. – А мы снова имеем труп.

– И этого засранца, – добавил Климов, с интересом глянув на Шатова.

Похоже, они поспорили, на ком первом сорвется Шатов. Фиг вам, подумал Шатов, не дождетесь.

– Поехали, – майор оглянулся на поликлинику, из которой как раз появился еще один опер, старлей, которого все звали Рыжим.

– Что там? – спросил Рыжего Климов.

– Наша дама.

– Письмо? Записка?

– Он записан к ней на прием. На восемнадцать двадцать.

– Приболел, значит... – усмехнулся Климов.

Шатов, скрипнув зубами, отвернулся и пошел к микроавтобусу.

– Рыжий, останешься здесь, – приказал Сергиевский, – всех опросишь – там в регистратуре, на входе.

– Понял...

– Не слышу энтузиазма.

– Никто не следит за листами самозаписи, – кисло протянул Рыжий. – За сегодня прошло сотни две больных.

– Печально, – согласился Сергиевский, – но ничего не попишешь. Заодно посети всех, кто был на сегодня записан к Фетисовой, пообщайся, выясни, не видели ли они того, кто записался на восемнадцать двадцать.

– Фигня все это, – вмешался Балазанов, – снова пустышка.

– Глухарем больше – глухарем меньше... – философски сказал Климов. – Если хотите знать мое мнение...

– Не хочу, – отрезал Сергиевский. – В машину.

– Жрать охота, – сообщил Климов, захлопнув за собой дверцу микроавтобуса.

Шатов привычно устроился на заднем сидении. Машина несколько не соответствовала нищему имиджу отечественной милиции. Микроавтобус «мицубиси» цвета «металлик» с кондиционером и аудиосистемой мог принадлежать крутой

фирме, но никак не органам внутренних дел, и уж тем более не мог быть передан группе оперов, привыкших либо к «бо-бику» либо к общественному транспорту.

Вообще в группе Сергиевского была некая нарочитость переходящая в шик. Дислоцировалась группа не в казенном здании, а в двухэтажном свежестроенном доме почти в самом центре города, как раз на стыке парка культуры и отдыха и сохранившегося с прежних времен участка частной застройки.

Бабушек и дедушек оттуда постепенно выживали, и еще дореволюционные развалюхи постепенно сменялись особняками и офисами. В одном из таких офисов размещалась группа Сергиевского.

То, что не могло быть у ментов такой базы, Шатов понял еще при первом своем визите. Ни одна смета не выдержала бы бронированных стекол, евроремонта, камер внешнего наблюдения, итальянской мебели, видеотехники и крутых компьютеров. И «мицубиси» в огороженном двухметровым забором дворе.

Душевые, небольшой бассейн и комнаты отдыха на втором этаже, спутниковые антенны и кондиционер с ароматизатором также не слишком вязались с тем, что Шатов знал о милиции.

И совсем не мог себе представить Шатов милицейского генерала, разрешившего майору Сергиевскому восседать в кабинете с кожаной мебелью и прочими признаками жизнен-

ного успеха. Генералы во все времена предпочитали сами занимать подобную роскошь.

Но вопросов по этому поводу Шатов задавать не стал. Он вообще старался не задавать вопросов и не выказывать свое отношение к происходящему. И старался не замечать невинных детских шалостей шести оперов.

Ему выделили комнату в глубине дома, возле кухни и столовой. Из мебели Шатову оставили черный письменный стол и хлипкий деревянный стул, который на второй день приволок откуда-то Климов. «Не фиг шиковать», – сказал он в пространство, вынося из комнаты кресло.

Зато после каждого обнаруженного трупа стену перед столом Шатова украшали новой фотографией с места преступления. А то и двумя.

Поначалу Шатов пытался найти объяснение, понять, почему опера повели себя именно так, но потом перестал ломать над этим голову. Черт с ними. Раздражали фотографии. Мертвые лица, тела, кровь – все это постоянно было перед глазами днем и преследовало ночью.

Когда опера собиралась обедать, демонстративно не пригласив Шатова, он им был даже благодарен. Аппетита не было совершенно.

Сегодня они прицепят на стену еще и фотографию Фетисовой, подумал Шатов, глядя на проплывающие за окном машины, дома, людей. И они сами не смогут объяснить, зачем это делают. Делают – и все.

И они не могут объяснить, зачем вообще происходят убийства. И зачем их связывают друг с другом именно через Шатова.

Бред. Вся его жизнь превратилась в бред. От смерти до смерти. На мгновение Шатову показалось, что там, за окном машины движутся не живые люди, а только призраки, только тени людей, которые могут в любой момент превратиться в пепел, в клочья тумана, в сломанных кукол. Для этого им достаточно только прикоснуться к Шатову. Оказаться у него на пути. Просто дышать с ним одним воздухом.

И так будет продолжаться до тех пор, пока не умрут все. Пока на пустынных улицах не останется только Шатов и Дракон. И оперативная группа майора Сергиевского. И тогда произойдет финальная битва. А потом все они умрут, и останется только Шатов. Только журналист-неудачник Шатов. Никому не нужный победитель драконов.

И никуда нельзя было спрятаться от этих мыслей и видений. Дома? Дома его ждал призрак Виты. Подделка. Очень похожая, старательная, но все же подделка. Они даже имя выбрали похожее – Вика. Для них похожее. Для всех похожее, кроме Шатова. Вика – Виктория – Победа. Вита – жизнь. Он не хотел побеждать. Он хотел жить.

Вика старалась. Она честно готовила завтраки и ужины, даже стирала его белье, но Шатов не разговаривал с ней. «Здравствуй» – «Пока» – «Спасибо».

Но домой нужно было возвращаться. Нужно было даже

звонить иногда в присутствии оперов и предупреждать жену, что задерживается.

Шатов закрыл глаза, но тут же открыл их. Тошно. Боже, как тошно!

– Останови здесь, – майор хлопнул по плечу Балазанова, который сегодня выполнял обязанности водителя. Из группы только трое ввели машину – Балазанов, Рыжий и оставшийся сегодня в офисе Егор Шорохов, по прозвищу Гремлин.

– Зачем? – спросил Балазанов притормаживая.

– Пройдусь в управление, – Сергиевский застегнул куртку, оглядел салон и кивнул Шатову – вы со мной.

– Ага, – сказал Шатов, – хорошо.

– Через сколько ждать? – спросил Климов.

– До утра, – отрезал майор.

– Так мы ужинаем без вас?

– Без нас, – майор вышел из машины и, не дожидаясь Шатова, пошел к подземному переходу.

– Шатов! – окликнул Шатова Климов, когда тот выходил из машины.

– Что?

– Береги себя, засранец!

Шатов молча улыбнулся, глядя в глаза Климова.

– Что уставился?

– Я могу идти?

– Иди, милый, иди... – Климов отвернулся, всем своим

видом выражая полное пренебрежение, – Саня, тормознешь возле «Надежды», нужно будет жратвы взять и пару бутылочек.

Жратвы и пару бутылочек, повторил про себя Шатов. Пару бутылочек и жратву. Им наплевать на Шатова. Им наплевать на то, что только что они стояли возле трупа. Им наплевать, что завтра, наверное, им снова придется ехать по вызову. И снова наткаться на глухую стену – никто ничего не видел и не может сказать. Не может. Или – не хочет.

Шатов бегом спустился в переход и чуть не натолкнулся на Сергиевского. Тот стоял, задумчиво глядя на рекламный плакат какого-то турагенства. Загорелая девушка загадочно улыбалась на фоне заката неземной красоты.

– Есть хотите? – Сергиевский с Шатовым говорил неизменно ровно, не стремясь перейти, подобно своим подчиненным, на «ты».

Шатов судорожно сглотнул и помотал головой:

– Нет.

– А кофе?

– Кофе? Наверное...

– Тогда пошли, – Сергиевский резко повернулся и пошел по ступенькам вверх, туда, откуда только что спустился Шатов.

– А управление?

Майор вопрос проигнорировал.

Твое дело, товарищ майор, подумал Шатов. Сегодня то-

варищ майор решил вести себя неординарно. Он даже пригласил Шатова попить кофе. И он даже... Черт, он даже за чем-то соврал своим подчиненным о том, что идет в управление. Совсем странно.

Сергиевский за все время знакомства, если не считать двух длинных допросов, обменялся с Шатовым от силы двумя десятками фраз. Шатов догнал Сергиевского и пошел с ним рядом.

Сказать, что Шатов симпатизировал Сергиевскому было нельзя. Просто в майоре было то, чего так не хватало сейчас Шатову – спокойствие и уверенность. И не было в нем желания досадить чем-то Шатову, хотя и своим подчиненным доставать Шатова он также не мешал.

Сергиевский остановился возле подвальчика со светящейся вывеской «Самшит» над железной дверью.

Да, внутренне усмехнулся Шатов, вкус у майора так себе. Бар не относился ни к перворазрядным заведениям, ни даже к заведениям второго сорта. Сюда приходили только те, кто хотел выпить, закусить чем попало, купить втихую «травки» или таблеток или те, кто хотел нарваться на потасовку.

– И кофе у них полная фигня, – сказал Шатов, когда потасканного вида официантка принесла им чашки.

– Фигня, – согласился Сергиевский, отодвигая свой кофе в сторону.

Говорить приходилось громко – ревели музыка, и пьяная компания в углу, сдвинув два столика вместе, пыталась что-

то петь.

– Тогда зачем мы сюда пришли? – Шатов сделал еще глоток и поморщился.

– Как? А культурно отдохнуть? – Шатов не сразу понял, что стал свидетелем первой на своей памяти шутки майора.

– Предлагаете спеть?

– Лучше пригласите меня на танец, господин Шатов, – майор достал из кармана сигареты, прикурил. Спичку бросил в свою чашку.

– Вы не в моем вкусе.

– Обидно.

– И все-таки, – Шатов чуть наклонился к столу, чтобы лучше расслышать ответ, – зачем мы сюда пришли?

– Поговорить. Поболтать.

В компании что-то случилось, завизжала девица. Кто-то захохотал.

– Спрашивайте, – сказал Шатов.

Майор стряхнул пепел в чашку, чуть прищурился, поглядев на компанию:

– Как вам все это?

– Это? – Шатов оглянулся. – Эти красавцы?

– Нет, как вам мои красавцы?

– Вы о своих операх? – осторожно спросил Шатов. Скользкий вопрос. Отвечать правду? А кому это нужно?

– О моих операх, – майор чуть улыбнулся. – Нравятся?

– Ублюдки, – неожиданно для себя выпалил Шатов, от-

хлебнул сторяча кофе и сплюнул на пол, – какая гадость!

– Гадость – это кофе? – уточнил Сергиевский. – А ублюдки – это оперативные сотрудники из моей группы?

– Точно. Именно оперативные сотрудники и именно вашей группы. И не просто ублюдки, а ублюдки коллекционные, тщательно подобранные человеком с несколько своеобразным чувством юмора.

– Спасибо, – хмыкнул майор.

– Не за что, – Шатов попытался выдержать прямой взгляд Сергиевского, но в углу что-то стеклянное со звоном врезалось в стену, с грохотом отлетел в сторону стул, отвлекая внимание.

– Твою мать! – пьяно взревел бас.

Хрясь! Один из гуляк, не вставая, приложил в челюсть приятелю, и тот опрокинулся навзничь, завывая и матерясь. Явно назревала драка, но на Сергиевского это впечатления не произвело:

– Группу, между прочим, набирал лично я.

Шатов откашлялся в кулак.

– Ничего, не стесняйтесь, – сказал Сергиевский.

– Я и не стесняюсь.

– Тогда поясните свою точку зрения по поводу группы несколько конкретнее.

К мужским матам добавились женские хоровые вопли. Снова разбилось что-то стеклянное, и кто-то рухнул, роняя мебель.

– Конкретнее? – переспросил Шатов. – Совершенно конкретные ублюдки. Пожрать, выпить, покурить, поменьше поработать, побольше отдохнуть... И если есть возможность потоптаться по кому-то – сделают это с большим удовольствием.

– Сильно сказано, – Сергиевский кивнул с видимым удовлетворением. – А внешне – почти не заметно.

– То, что они ублюдки, заметно с расстояния в километр в условиях сильного тумана темной полярной ночью.

– Да нет, я не об этом. Я о том, что вы неплохо владеете своими нервами. Ваше отношение к ребятам внешне почти не проявляется. Ну там, поиграть желваками, строго глянуть... Молодец!

«Эмоция!» – вспомнил Шатов Бочкарева. Еще один экспериментатор. Прикладной психолог. Только на этот раз в погонах.

Скандал в зале, между тем, переходил в шумную стадию общей потасовки, но бармен, уныло маячивший за стойкой, ни каких действий по его пресечению не предпринимал. Когда один из веселящихся врезался в стойку бара, бармен, особо не торопясь, снял с нее все стеклянное.

Шатов бросил быстрый взгляд через плечо майора на дерущихся.

– Еще минут десять у нас есть, – спокойно сказал Сергиевский.

– На что?

– На то, чтобы вы все-таки сказали мне, отчего это так не любите ментов. Причем, у меня такое чувство, что не конкретно моих коллекционных ублюдков. Тяжелая юность правонарушителя?

– Я не люблю ментов с той самой поры, когда они чуть не отправили меня на тот свет, – Шатов твердо посмотрел в глаза Сергиевскому. – Когда пятеро уродов решили угробить меня для того, чтобы никто не узнал об их небольшом бизнесе. Продолжать?

– Продолжать, – не отводя взгляда, кивнул Сергиевский.

– Да, собственно, продолжать особо и нечего. Когда защитники закона начали подрабатывать убийствами... – Шатов ударил кулаком по столу.

– Вас это поразило? То, что они стали подрабатывать убийствами? Или то, что они хотели убить конкретно Евгения Шатова?

– Да какая, на хер, разница?

– Существенная, – майор уже почти кричал, чтобы хоть как-то перекрыть грохот сражения. – За державу обидно, или за себя страшно?

– За себя, за свою жену... Этого мало?

– То есть, если бы эти конкретные менты не попытались конкретно убить конкретно вас, то...

– Майор, это вы всегда выражаетесь так запутанно и вычурно? Или сделали для меня исключение?

– Сделал исключение... – продолжить майор не смог –

битва, наконец, докатилась до их столика.

Два бойца, обнявшись, попытались перевести схватку в нижний партер, толкнули майора в спину.

Шатов напрягся.

– Вот именно за это я люблю наших граждан, – недобро улыбнулся Сергиевский.

– Ма-ать! – отлетел в сторону стул, спина в джинсовой куртке смела со столика на пол всю посуду.

Ручеек кофе потек в сторону Шатова.

– Ты, козел! – джинсовая куртка нанесла ответный удар, и Шатову пришлось вскочить из-за стола, чтобы увернуться от парня в кожанке.

Тот был уже в светлом состоянии, когда все равно куда бить и на кого бросаться. Поскольку «джинса», потеряв равновесие, временно исчезла из поля зрения кожанки, Шатов оказался единственной доступной целью.

– Сука, – внятно произнес парень и ударил.

Особо крутым боксером он, видимо, не был, кулак стартовал вяло и не так чтобы прицельно. Можно было просто уклониться. Но Шатов уклоняться не стал.

Значит, драться? Отлично! У него как раз за последнюю неделю подсознательно сложилось желание набить кому-нибудь рожу. Лучше бы, конечно, Климову. Или Рыжему. Или...

Шатов левой рукой блокировал удар и правой врезал кожаному в лицо. Не кулаком, Шатов решил побереечь пальцы.

Нижней, мясистой частью ладони Шатов припечатал парню в лоб.

Как в стену. Голова противника даже не качнулась. Он что-то прорычал и вцепился левой рукой в одежду Шатова.

Еще раз в лоб. И еще раз. Лобовая броня у пацана почище чем на «королевском тигре», мелькнула дурацкая мысль.

Как там учили артиллеристов? В борт или в корму? Или по гусеницам? Размышляя, Шатов потерял темп, перешел к обороне, отбивая вялые, но настойчивые удары.

Левая рука пацана как-то незаметно оказалась на горле у Шатова. Блин. Значит, Отелло прибыло, и мы будем изображать Дездемону?

Шатов зацепил левую руку душителя за запястье, шагнул с поворотом вправо, выворачивая ее. Резче и жестче, приказал себе Шатов. Резче и жестче! Локоть кожаного хрустнул где-то под мышкой у Шатова.

– И запястье! – Шатов понял, что комментирует свои действия вслух, и засмеялся. – Теперь – запястье.

Парень был пьян совершенно конкретно. Иначе понял бы всю бесперспективность дальнейшего трепыхания сразу. И это позволило бы Шатову не доводить прием до разрушительного финала. Кожаный допустил ошибку.

Вместо того чтобы покорно опуститься на колени, он дернулся. Шатов всем телом нажал на локоть левой руки, одновременно выворачивая кисть. Парень дернулся снова.

Шатов надавил сильнее.

Парень заматерился, попытался выпрямиться.

– Сиди, урод! – пробормотал Шатов. – Не заставляй...

Парень взмахнул правой рукой и в неверном свете бара Шатов увидел нож. Не обращая внимания на скрипящие от боли суставы, кожаный попытался достать Шатова ножом.

Все. Шатов перестал воспринимать кожаного как человека. Все. Перед ним был убийца. Снова кто-то попытался ударить Шатова ножом. Все.

Шатов надавил сильнее, заваливая парня на пол. Стал на колени, напрягся и рванул руку кожаного вверх. Противный влажный хруст. И истошный вопль. И судорожный рывок тела.

Это уже не была попытка высвободиться. Это тело реагировало на боль, Но Шатов не захотел этого понимать. Он рванул руку еще раз, выворачивая ее из сустава.

И снова вопль. Такой, что его слышали все, не смотря на азарт драки и рев музыки.

Шатов оттолкнул в сторону обмякшее тело и встал. Обвел взглядом зал. Вытер руки об одежду. Почувствовал, как колотится сердце, как царапает горло воздух при каждом вздохе.

– Получили? – спросил Шатов шепотом. – Получили?

Музыка стихла. Разом. То ли бармен решил, что хватит музыкального сопровождения, то ли просто закончилась кассета. Шатов стоял посреди тишины, глядя на замерших приятелей и подруг кожаного. Он нарушил правила. Он не

имел права бить члена их компании. Право на дружеский обмен синяками имели только они. А никак не какой-то урод со стороны.

Внутренний конфликт сразу отошел на задний план. В конце концов, додраться можно было и потом. После того, как проучат чужого.

– Он Толика покалечил! – завизжала девка с малиновыми волосами.

Три крепко выпивших парня и пять разъяренных дам, автоматически пересчитал Шатов. Шансов, в общем, мало. Тем более что он таки действительно искалечил Толика.

Три парня и пять дам... С Толиком – четыре парня. Не парное число. Шатов даже улыбнулся этой нелепой мысли. Через минуту...

От удара он все-таки уклонился. Бил тот самый противник Толика, одетый в джинсовую куртку. И боксерский класс был у него повыше, чем у кожаного приятеля. Шатов, заметив краем глаза движение слева, успел подставить руку.

Мимо. Еще раз. Болезненный удар в плечо. Уклониться. Что-то прочесало по скуле. Твою мать! Шатов ударил. Ударил из всех сил. В лицо.

Боль отозвалась в запястье и плече. Еще удар, с левой. И снова в лицо. Головы им всем отливают на танкостроительных заводах, что ли?

Тогда – по ходовой части. Шатов ударил ногой в голень, под коленную чашечку. Ударил не глядя, не отводя взгляда

от лица противника. И попал.

Джинсовый заорал, наклоняясь, чтобы схватиться за ушибленное место. Движение настолько же естественное, насколько в этой ситуации глупое. Редко кто откажется ударить ногой в лицо. В такой позиции это очень удобно. Шатов отказаться не смог.

Ногой. В лицо. И еще раз. И добавить. И еще раз, пока не упал навзничь. И... Шатов понял, что стоит над лежащим парнем, лицо которого залито кровью, который пытается отползти, но не может, а только елозит ногами по полу.

Рот Шатова наполнился горечью. Он снова сорвался. Снова... Черт.

О том, что в баре, кроме него есть еще и другие Шатов вспомнил не сразу. И удивился. Его еще не смяли. «Странно...» – медленно проползло в мозгу. Все мысли Шатова отчего-то стали медленными и неторопливыми. И равнодушными.

Свалят? На здоровье. Забьют? Такова жизнь: либо се ля ви, либо се ля вас.

Шатов медленно обернулся к остаткам компании. И удивился. Медленно и равнодушно. Остатки стояли на прежнем месте, хотя должны были уже навалиться и смять. И пинать от всей души. И...

Стоп, одернул себя Шатов. А кто это стоит между ним и компанией? Шатов его знает... А, майор Сергиевский... Душка майор Сергиевский. И как это ему удалось их оста-

новить? Добрым словом?

Шатов потрянул головой, отгоняя оцепенение. Как там говаривал Ал Капоне? Добрым словом и пистолетом можно сделать гораздо больше чем просто добрым словом. Сергиевский, похоже, применил средство в полном объеме.

В руке был пистолет, и что-то майор еще говорил стоящим. Шатов из-за шума в ушах не мог разобрать, что именно, но слова были явно доходчивыми и находили живой отклик в душах слушателей.

– Все нормально? – майор повысил голос.

– Нормально, – сказал Шатов.

– Тогда двигайтесь, пожалуйста, на выход.

На выход, так на выход, пожал плечами Шатов.

Он ничего не забыл тут на месте сражения? Шатов огляделся. Кажется ничего. Ну и славно. Ну и хорошо. На выход.

Шатов медленно подошел к двери, медленно открыл ее, с трудом преодолевая сопротивление пружины, медленно поднялся по ступенькам на улицу...

Холодает. Бабье лето прошло, и осень начала мелко сеять воду сквозь решето туч. Шатов подставил лицо под мелкие, почти невесомые капли.

Небо ощупывало его лицо сотнями крохотных лапок. Сотнями крохотных холодных лапок. Небо хочет познакомиться с ним?

Снова глупые мысли. Небу нет до него дела. Небу все равно. Небу наплевать на всех, кто поднимает к нему лицо. Небо

не ощупывает запрокинутые лица людей, оно отталкивает их. Отталкивает дождем, или пытается завалить снегом.

За спиной громко лязгнула дверь.

Толчок в спину:

– Ходу.

– Что?

– Ходу, – повторил Сергиевский, – почти бегом.

– Хорошо, – кивнул Шатов.

– Да, в общем, хорошего-то, как раз, и мало. Вы не умеете драться, господин Шатов.

– Как это не умею?

– Совершенно не умеете, – Сергиевский похлопал Шатова рукой по плечу. – Искусство пьяной драки состоит именно в том, чтобы и душу отвести, и никого особо не повредить.

– Извините, я был трезвым, – сухо поправил Шатов.

– Это недочет, – согласился Сергиевский, – но для трезвого в пьяной драке также есть набор правил.

– Что вы говорите?

– Именно то, что я говорю. Правило номер один – вообще не вступать в пьяные драки. Просто взять и убежать.

Шатов промолчал.

– Второе правило, если убежать сразу не получилось, валя ближайшего и снова убегай. Причем валить нужно того, кто стоит на пути вашего отступления, и валить нужно либо хорошо поставленным ударом своей конечности, либо чем-нибудь тяжелым. Можно стулом.

– И снова – бежать? – уточнил Шатов.

– И снова бежать. В людное место. Так как пьяный обычно бегают плохо, и также плохо отличает одно лицо от другого. В толпе он вас просто потеряет.

– Как все просто!

– Абсолютно просто. А что сделали вы? Встряли в драку. Искалечили двух человек...

– Какая жалость!

– Искалечили двух человек и даже не попытались смыться, – закончил свою мысль Сергиевский.

– Следующий раз попытаюсь исправиться, – Шатов остановился и несколько раз глубоко вдохнул.

– Зацепили?

– Нет. Просто хреново. Все хреново. Меня от всего этого тошнит. Ненавижу.

– Ментов?

– И ментов тоже.

– А еще?

– Что вы лезете ко мне с этими идиотскими вопросами? – Шатов наклонился, борясь с приступом тошноты.

– Вы сегодня что-нибудь ели? – спокойно спросил Сергиевский.

– Ваше какое дело?

– Почти никакого. Но если не кушали, то и рвота вам не угрожает. За время нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы вы пообедали. Это привычка или нервы?

Шатов сплюнул вязкой слюной и выпрямился:

– Это нервы, а что? Плохо?

– Плохо, – Сергиевский остановился, повертел головой, – а не зайти ли нам в кафе?

– Опять? – Шатов даже не улыбнулся.

Сергиевский сегодня словно решил вывалить на Шатова массу нелепых замечаний и поступков.

– Вы еще не напились кофе в «Самшите»? Или вам было мало зрелищ?

– Мы еще не поговорили толком, – ответил Сергиевский спокойно, – а мне еще нужно решить некоторые проблемы и поужинать заодно.

– Нам сегодня обязательно возвращаться на базу?

– Обязательно.

– А то можно было бы поужинать у меня, – Вике, в конце концов, тоже было бы интересно послушать их беседу для передачи Хорунжему.

– Нет, спасибо. Поужинать, наверное, можно было бы, но я не смогу решить своих дел, – Сергиевский глянул на часы.

– Торопимся?

– В общем, да. Побежали.

Бежать пришлось недалеко. По Пушкинской вверх всего метров сто, потом вправо, на Дарвина, еще столько же.

На этот раз точка общепита называлась «Нота», светилась огнями, и на стоянке перед кафе стояло несколько автомобилей. За стеклянной дверью маячил высокий подтянутый

парень в черном костюме.

– Прибежали... – протянул Сергиевский и постучал в стекло.

Охранник подошел, узнав Сергиевского, заулыбался и открыл дверь:

– Добрый вечер, Сергей Викторович!

– Привет, Сережа, как дела? – Сергиевский пожал охраннику руку, кивнул на Шатова, – знакомься, это журналист Шатов.

– Очень приятно, Сергей.

– Евгений, – Шатов ответил на сильное, уверенное рукопожатие.

– Вас ждут, Сергей Викторович. В кабинете.

– Хорошо, я пойду, а ты пока прими гостя.

– Обязательно, – охранник закрыл дверь на засов, подождал, пока майор скроется за обитой кожей дверью в глубине холла, и обернулся к Шатову. – Вам, кажется, нужно посетить туалет.

– Не понял?

– Туалет, прямо по коридору и направо. Аптечку вам сейчас принесут.

– Аптечку? – Шатов подошел к зеркалу возле раздевалки.

Черт, ему таки досталось в «Самшите». На скуле имела место свежая ссадина. Чем же это он меня? Просто кулаком? Однако, шершава рука у люмпен-пролетариата.

– Говорите, направо?

– Да.

Направо так на право. Шатов прошел в туалет. Цивилизованные люди, они и в сортире поддерживают цивилизацию. Чисто, приятно пахнет, даже как-то уютно.

Шатов посмотрел на свое отражение в зеркале. Осунулся мужик, несколько похудел даже. И еще эта ссадина... Вика наверняка поинтересуется, что и откуда. Ей нужно что-то сообщать Хорунжему. Не Дракон ли? Не Дракон? Нет, покачал головой мужик в зеркале, не Дракон. Просто группа простых граждан реализовывавших свое простое право на простой отдых.

Шатов открыл кран, сполоснул руки. Задумчиво посмотрел на них, вспомнил пропитанный ревущей музыкой смрад бара, потную руку на своем горле, хруст кости... Отражение зябко передернуло плечами.

И мыло у них здесь импортное, пахнет чертовски приятно, славно мылится... Шатов несколько раз тщательно вымыл руки с мылом, вытер бумажными полотенцами из пластиковой коробки на стене. Еще раз присмотрелся к зеркалу – на шее царапин и ссадин не осталось. И на обуви, слава Аллаху, крови не было.

– Где раненный? – голос был женским, приятным и молодым.

Шатов оглянулся.

– Можете не отвечать, – улыбнулась девушка, стоящая на пороге, – кроме этой замечательной ссадины повреждений,

я надеюсь, нет.

– Нет, – подтвердил Шатов.

– А вот мы ее сейчас перекисю, – девушка поставила аптечку на полку перед зеркалом, достала вату и пузырек.

– А больно не будет?

– А мы подуем на ранку, и больно совсем не будет, – пообещала сестра милосердия, – меня, кстати, зовут Яной.

– Евгений.

– Так официально? – Яна открыла пузырек, смочила ватку и осторожно прикоснулась к ссадине.

– Это не официально. Это мания величия. Две первых буквы проглатываются, и звучит льстящее мою самолюбию: «Гений».

– Тогда понятно, Гений, – засмеялась Яна, – но вы как-то скованы. Неужели больно?

– Нет, просто я впервые беседую с девушкой в мужском туалете.

– Мы уже заканчиваем. Жить вы явно будете...

– Во всяком случае, некоторое время, – сказал Шатов и еле заметно поморщился.

Дурак. Что-то он заиклился на этом. Что-то он не может думать ни о чем другом, кроме как о жизни и смерти. О жизни в том смысле, что она все равно рано или поздно кончится.

– Ну, раз у нас все так хорошо, – Яна закрыла аптечку, – разрешите пригласить вас в кабинет.

– Вот так сразу?

– А чего тянуть? Прямо в кабинет. А там уж и...

– Что? – Шатов с удивлением отметил, что в присутствии Яны его настроение улучшилось, и мир стал выглядеть немного приветливей. – Что там уж?

– Там уж вы сами решите, чем вам приятно заниматься в одиночестве в отдельном кабинете, – засмеялась Яна и вышла.

Засмеялся и Шатов.

Кабинет был крохотный, собственно даже и не кабинет, а ниша в стене зала. Столики в зале были заполнены почти все. Посетители были одеты более чем пристойно, музыка была ненавязчивой, освещение мягким, а официанты вежливы без хамской подобострастности.

– Присаживайтесь, – официант включил маленькую лампу на столике и положил на стол папку с меню. – Будете что-то заказывать, или подождете Сергея Викторовича?

– Я подожду Сергея Викторовича, – ответил Шатов, и официант удалился.

Вот такие пироги, Евгений Шатов. Майор оказался не просто Сергиевским, а еще и Сергеем Сергеевским. И весьма уважаемым человеком в весьма респектабельном ресторане. И что это значит? Наверное, для майора это что-то значит. Не исключено, что это что-то должно значить и для Шатова. Но пока не значило ничего.

Разве что... Разве что, майор хочет продемонстрировать

Шатову свое высокое общественное положение? Зачем? Их отношения до сегодняшнего дня великолепно устраивали Шатова, не мешая ожидать личного пришествия Дракона и всеобщей катастрофы.

Майора, выходит, не устраивали. Его проблемы. А у Шатова есть проблемы свои. Нужно время от времени обдумывать все происходящее. Хотя бы для того, чтобы понять в какую очередную кучу дерьма он попал. Эта драка...

Шатов прислушался к своим ощущениям и с удивлением обнаружил, что не испытывает отвращения или раскаянья. Ничего подобного. Сейчас, вспоминая все, что произошло в баре, Шатов с удивлением обнаружил, что совершенно спокоен или даже умиротворен.

Выброс адреналина словно обмыл его мозг, и сейчас было только... удовлетворение, что ли. Хотелось просто расслабленно посидеть, наслаждаясь покоем.

Все закончилось хорошо. Все закончилось очень хорошо. Что бы там не говорил Сергиевский, ему удалось выйти из пьяной драки с минимальными потерями. Шатов потрогал ссадину. С минимальными. Правда, благодаря вмешательству Сергиевского. Спасибо ему...

Что-что? Шатов щелкнул пальцами. Спасибо? Как-то не тянет благодарить. Ведь умный и проницательный майор, специалист по пьяным дракам, мог пресечь драку в самом зародыше. Пусть не общую свалку компании, хотя и с ней он потом легко справился, но драку Шатов с кожаным, а потом

и с джинсовым он мог остановить демонстрацией либо удостоверения, либо пистолета. А он...

Сергей Сергиевский добродушно позволил Шатову немного размяться в товарищеской драке. С участием ножа, кстати. Зачем? Просто так? Не хотел мешать? А сам визит в бар? Ведь все это совершенно бессмысленно, ведь ни поговорить, ни даже попить кофе они там не смогли. И даже не могли вообще.

Майор ведь прекрасно знал, что через несколько минут им придется идти сюда, в «Ноту». Знал и, тем не менее, вначале привел Шатова в тот серпентарий. Зачем? Чтобы спросить его мнение о своей группе? Чушь. Полная чушь. Чушь в степени... Шатов задумался. В степени чуши.

Господи, да ведь даже те сволочи, которые летом пытались убить Шатова, тот ныне покойный оперативно-поисковый отдел, и то выглядели значительно профессиональнее и деловитее. Они не занимались фигней, они целенаправленно двигались к нужному результату, не устраивая клоунады.

И начальник их, также майор милиции, не вел душеспасительных бесед. Он давил, угрожал, пугал. А потом перешел от слов к делу, и не его была в том вина, что Дракон умел это делать лучше.

– Все в порядке? – Незаметно подошедший Сергиевский, сел напротив Шатова боком к залу. – Не скучали?

– Вашими молитвами.

– Значит – не скучали. Я позволил себе сделать заказ и

для вас тоже.

– Я не голоден, – не совсем уверенно ответил Шатов.

– Ну, значит, они потом унесут ваш ужин, – Сергиевский поправил салфетки в вазочке посреди стола.

– Значит, унесут.

– Хотите, я угадаю о чем вы думали сейчас до моего прихода? – неожиданно спросил Сергиевский.

– А если я скажу «нет», и вы потеряете возможность блеснуть проницательностью?

– Я переживу, а вы еще долгое время будете себя пилить, так и не узнав, правильно я вас просчитал или нет. Так говорить?

– Говорить.

– Вы сидели и думали, зачем я вас таскал в «Самшит», если можно было сразу прийти сюда? Так?

– И еще я думал, какого черта вы не остановили драку, а позволили мне принять в ней участие. Я, кстати, чуть не схлопотал удар ножа.

– Вот это было бы совсем некстати, – майор отодвинулся от стола, чтобы не мешать подошедшему с подносом официанту.

Естественно, некстати, подумал Шатов. Меня бы пришлось везти в больницу, накрылся бы деловой визит в «Ноту», да еще пришлось бы объяснять высокому начальству, как именно важный свидетель получил ножевое ранение... Некстати. А уж как самому важному свидетелю это ранение

было бы некстати...

– Салат называется «Мозаика», – майор подвинул к себе тарелку.

– Ага, – Шатов посмотрел на свою порцию, – крабовые палочки, консервированная кукуруза, свежие огурцы...

– Угадали, только мясо тут действительно крабовое, а не поддельные палочки прибалтийского производства.

– Серьезно?

– И очень вкусно. Вы попробуйте...

И сколько же это может стоить? И сколько таких порций может позволить себе майор милиции на свое жалование? Шатов подвинул к себе тарелку.

– И не смотрите на нее так, – майор налил себе в бокал минеральной воды. – Это не взятка. Это честно заработанный ужин.

– Честно заработанный?

– А вы думаете, что я уж и не могу честно заработать?

– Чем? Или вы выполняете роль крыши?

Майор не торопясь, допил воду и кивнул:

– Угадали. Именно крыши.

– И вы мне это так спокойно говорите? – осведомился Шатов.

– А почему бы и нет? Или вы напишете обо мне статью? Жуткую разоблачительную статью, которая прервет мою карьеру? – Сергиевский улыбнулся. – Сомневаюсь...

– Сомневаетесь, что напишу?

– Сомневаюсь, что подорвет.

– Вы так уверены в своей неуязвимости?

– Я уверен в том, что моей карьере хуже не будет. Хуже некуда, – Сергиевский замолчал, давая возможность Шатову подумать над репликой.

Шатов молча доел салат и заговорил только после того, как официант убрал пустые тарелки и принес что-то запеченное под майонезом.

– Мясо по-французски, – представил Сергиевский блюдо.

– Евгений Шатов, очень приятно, – представился блюду Шатов.

– Вы повеселели, я смотрю.

– А я смотрю и думаю, когда вы перейдете к интересующей вас теме, – Шатов отодвинул тарелку с мясом и подпер щеку кулаком, – я внимательно слушаю.

– Да вы ешьте, его нужно есть горячим, а я тем временем отвечу на ваши вопросы, – предложил Сергиевский.

– На все? – приподнял бровь Шатов.

– Кроме слишком интимных.

– Ага, – Шатов придвинул тарелку и взял в руки нож и вилку, – тогда – по порядку.

– Поехали! – майор отрезал кусок от своей порции и отправил в рот. – Ведь вкусно же!

– Вкусно, – согласился Шатов, проглотив первый кусок, – какое, кстати, у вас образование?

– Истфак, спецназ, органы, юридический заочно. А что? –

спокойно спросил Сергиевский.

– Ничего, – Шатов не подавился мясом только потому, что успел тщательно прожевать свой кусок.

– Внешность обманчива? – поинтересовался Сергиевский.

– Честно – да.

– Понятно. Поехали дальше.

– Тогда поясните, почему мы отправились в «Самшит»?

– Мне нужно было проверить некоторые свои психологические наблюдения, – майор ответил серьезно, чуть подумав перед ответом.

– Вы хотите сказать, что знали о возможной драке? – Шатов отложил вилку и нож.

– Не знал. Не волнуйтесь вы так, кушайте.

– Не знали...

– Не знал, но очень на нее надеялся, – уточнил майор.

– То есть?

– «Самшит», как вы, наверное, знаете, место достаточно специфическое.

– Слышал.

– Вот. Нормальные клиенты туда не ходят. Местная сывота расписала дни посещения бара между собой, что обеспечивает хозяйке заведения некоторую стабильность дохода. Сегодня был день кодлы Сени Шрама и даже более того, день его рождения. Понятно, что компания будет веселая и если не передерется между собой, то попытается оторваться на

посторонних. Либо одно, либо другое.

– А если бы ни то и ни другое? – Шатов почувствовал, как появившийся было аппетит медленно уходит.

– Я всегда мог задеть легкоранимое самолюбие этих уро-
дов. С тем же результатом.

– Зачем? Какого хрена вам эта драка дала? – Шатов бро-
сил вилку.

– Тише, не стоит кричать в приличном заведении, – Сер-
гиевский приложил палец к губам, – эмоции можно выра-
жать и тихим голосом. И даже нормативной лексикой.

– Зачем вам понадобилась драка? – тише спросил Шатов.

– Зайдем издалека, – предложил майор.

– Зайдем, – согласился Шатов.

– Итак, почти две недели назад я узнаю о существовании
некоего журналиста, который почему-то завязан с целой се-
рией убийств. Вернее, смертей, которые могут быть и убий-
ствами в том числе. И начальство на этого журналиста реа-
гирует странно.

– Как именно?

– Вместо того, чтобы взять его за там и прокрутить по
полной программе, мне рекомендовано привлечь журнали-
ста Шатова к деятельности группы, которую я, кстати, дол-
жен собрать самостоятельно, тут мне начальство дает пол-
ный карт-бланш.

– И что здесь особо удивительного? – поинтересовался
Шатов.

– В принципе – ничего. Так бывает, или, во всяком случае, могло бы быть. Фокус в том, что на моей памяти такого не было ни разу. Свидетелей привлекали, но для этого вовсе не обязательно практически включать его в группу. Можно вызывать время от времени на допросы и опознания. Старшему группы разрешали высказать свои предложения по составу, иногда даже полностью эти предложения принимали, но не с такой формулировкой – карт-бланш.

Далее, группу зачем-то решили отодвинуть подальше от тела родных внутренних органов и посоветовали мне поискать помещение.

– Кстати, примите мои поздравления, – улыбнулся Шатов, – помещение вам удалось на славу.

– Да, это тоже странно. Честно говоря, я решил повыежиться перед начальством. Тот офис принадлежит одному... конкретному пацану, – Сергиевский растопырил пальцы, демонстрируя конкретность пацана. – Я попросил его об услуге, и он согласился пустить нас в только что оснащенное помещение на полгода. И начальство мое, осмотрев базу группы, ничего не сказало по этому поводу. Даже не поинтересовалось, как именно я этого конкретного пацана уговорил.

– А как, если не секрет?

– Есть некоторая информация, которая... ну, и так далее...

– Шантаж?

– Зачем шантаж? Шантаж или наезд – это повод для разборки либо с участием адвоката, либо с участием представителя крыши. А информация...

– Все равно шантаж... – упрямо повторил Шатов.

– Ну хрен с ним, пусть будет шантаж, не стоит спорить о терминах. Но сам факт! – Сергиевский поднял палец. – Сам факт!

– Интересный, но, тем не менее, не объясняющий вашего странного поведения.

– Вы всегда так торопитесь?

– Часто.

– Тогда побежали дальше, – майор сделал паузу, официант снова убрал посуду и принес кофе, – я сказал вам о своей карьере... Собственно, с карьерой моей – все. То есть, со всем. На такое дело могли поставить только человека, которого особо не жалко.

– А если вдруг вы его раскроете?

– Только если вдруг. Вы вообще в курсе, сколько обычно длится среднестатистическое дело о таких вот убийствах?

– Думаю – долго.

– Вашего дракона совершенно безрезультатно искали полгода.

– Моего дракона искали люди, которые не хотели его найти, – поправил Шатов.

– Ничего подобного. Вашего дракона искали люди, которые очень хотели его найти. Им было жизненно важно

его найти и убить, чтобы не всплыла разница в показаниях. Вдруг на допросе ваш приятель сообщил бы, что уконтрапупил сотню, а обнаружено было, скажем, полторы сотни?

– Всего три десятка.

– Это за полгода. А искали бы его еще года три. Если бы не больше. И представьте себе, те менты, которые вас чуть не угробили, были не самыми бесталанными операми. Далеко не самыми бесталанными. И ничего не нашли. Так что, продолжать поиски дракона могли поручить человеку одновременно толковому и ненужному. Понятно?

– В общих чертах.

– Тогда продолжим. Этому ненужному грамотею дают возможность самому сформировать группу, обеспечить базу, самую крутую из всех возможных, кстати... И теперь скажите мне пожалуйста, если он при всем этом не смог найти убийцу, то кто в этом виноват? Можете не отвечать.

– Вы расцениваете это все как заговор лично против вас, – с иронией спросил Шатов.

– Нет. Я рассматриваю это все, как попытку на всякий случай прикрыть задницу себе и очень высокому начальству. Это ж они целые полгода скрывали от общественности существование серийного убийцы. И, кстати, до сих пор скрывают. Ведь уверены, что это тот же самый сейчас использует вас вместо бумажного дракона. И тем не менее...

– И причем здесь сегодняшняя драка?

– Драка, в общем-то, не при чем. Мне представили вас как

человека, который не просто смог найти дракона, не просто смог выжить при этой разборке оперативно-поискового отдела с ним, но и даже самого неуловимого убийцу сумел чуть ли не замочить.

– Вы мне льстите... – засмеялся Шатов.

– Нет, это я решил, что мне врут. Существо с рыбьей кровью, которое вы изображаете уже неделю, не могло в той ситуации выжить. Чтобы вы там не говорили. Мне нужно было посмотреть на вас в деле, чтобы принять окончательное решение, – майор вернул Шатову вежливую улыбку.

– Решение, простите, о чем?

– О вас, господин Шатов, о вашей роли в этом смешном деле.

– В смысле?

– В смысле – вы сказали, что все ребята в моей группе просто коллекционные ублюдки.

– Сказал и продолжаю настаивать на своем мнении. Или это тоже плановое психологическое мероприятие с целью принятия решения по моему поводу?

– Психологическое, но только не мероприятие. Это – психологическое явление. Вы как полагаете, вселенная это зеркало, в котором человек видит свое отражение, или человек – это зеркало, отражающее вселенную...

– Как вам все это время удавалось свое гуманитарное образование, майор?

– Я старался. Так все же?

– Вселенная – зеркало, – только философских рассуждений не хватало сегодня Шатову.

– Вам не кажется, что в ребятах вы видите только свое отражение?

– Так это я – коллекционный ублюдок? Спасибо, родной.

– Пожалуйста. А как прикажете реагировать на вас опирам? Им приходится общаться с человеком, который ни разу даже не попытался подать руки. Который брезгливо отодвигается, когда вы приближаетесь к нему. Как прикажете?

– Ну знаете...

– Что? Что я должен знать? Сами вспомните.

Шатов задумался. Неужели правда? Неужели это он умудрился настроить против себя всех этих... Ерунда. Еще одна чушь. Наглая беспардонная ложь. Майор переучился. Майору два его высших образования на пользу не пошли. Или в спецназе ему повредили голову. Как бы все они повели себя на месте Шатова? Любить их? Восхищаться?

– Можете мне не верить, – спокойно сказал Сергиевский. – Хозяин – барин. Тогда перейдем к следующему пункту. Вы могли быть благодарны им хотя бы за то, что они каждую ночь дежурят у вас перед домом, охраняя безмятежный сон вас и вашей жены.

– Они толкуются перед моим домом?

– А вы как думали? У меня очень строгий приказ – не выпускать вас из виду двадцать четыре часа в сутки.

– Можно было поставить меня в известность...

– И вы бы перестали вести себя как институтка, попавшая в бордель? И даже стали бы приглашать их на чашку чая?

– Именно поэтому, каждый раз, как только я переступаю порог квартиры, кто-нибудь из ваших орлов звонит мне по телефону?

Сергиевский молча пожал плечами.

Значит из-за этого, понял Шатов. А он думал, что эти идиоты просто достают его таким незатейливым образом.

– То есть, ваши ребята охраняют меня и обижаются, что я им за это не благодарен? А я об этом знал? О том, что меня оберегают?

– Не просто оберегают, милый Евгений Шатов, они еще и здорово рискуют жизнью. Находится возле вас просто опасно. Мы все помним, как состоялось наше первое знакомство. Человек в машине – существо уязвимое. Как те проститутка, водитель и сутенер.

Шатов невесело улыбнулся:

– Значит, подразумевается, что после нашей сегодняшней беседы я стану относиться к вашей группе как к сообществу самых близких мне людей, а они, в свою очередь, будут расщипывать мне свои положительные чувства.

– Подразумевается, что после нашего сегодняшнего разговора, вы будете сотрудничать с группой от всей души, так как от этого будет зависеть ваша жизнь.

– Что касается моей жизни...

– Что касается вашей жизни, Шатов, то попытайтесь от-

ветить мне сейчас – зачем вас приставили к нашей группе, а группа в свою очередь, непрерывно вас караулит?

– Зачем? – Шатов почесал переносицу. – Зачем...

Действительно, зачем многоопытное начальство повело себя так, а не иначе? Почему майор Сергей Сергиевский построил их беседу именно так, именно в такой последовательности изложил факты и задал последний вопрос именно таким образом?

Может, сам не знает ответа? На пушку берет, мент поганный? Вряд ли... Майор говорил достаточно искренне. Он пришел к какому-то выводу и теперь хочет проверить его на Шатове.

Почему на Шатове? Почему...

Значит Шатов может прийти к такому же выводу. И сможет его оценить.

Умный, но ненужный руководитель группы, свободный в выборе помощников. Единственное вмешательство в его самостоятельность – требование постоянного пребывания Шатова в их поле зрения. Результат – за Шатовым постоянно кто-то следит. И убийца имеет на Шатова зуб. И всячески метит именем Шатова свои жертвы. И... Нет. Не правда.

Этого быть не может. Или Шатов просто этого не хочет? В разговоре с Хорунжим он упоминал ловлю на живца. Похоже, начальство Сергиевского пришло к тому же решению. Каким бы отбитым не был Дракон, как бы он ни хотел помучить Шатова, рано или поздно он придет за Шатовым.

Или попытается его убить. И тогда...

Шатов посмотрел на Сергиевского. Тот усмехнулся:

– Вот такие пироги. Либо мы его берем. Либо мы его убиваем. Либо мы вас спасаем. Либо вы гибнете. Либо он умудряется уйти. Во всех случаях виноват майор Сергиевский. В случае вашей гибели велика степень вероятности, что больше Дракон в нашем городе промышлять не будет. Согласны?

– Со своей гибелью?

– Со степенью вероятности.

– Со степенью? – Шатов задумался. – Со степенью вероятности – согласен.

Сергиевский посмотрел на часы:

– Нам пора.

– Это все, что вы хотели мне сказать?

– Не все. Просто всему свое время. А нам – время ехать на базу. Сегодня – общий сбор.

Шатов встал из-за стола. В голову пришла мысль, заставившая оглянуться на Сергиевского:

– Я допущен на совещание группы?

– Вы приглашены на совещание, – поправил его Сергиевский, – хватит волынить, пора работать.

– И все это по результатам моей драки в баре?

– Не только. Вчера я переговорил с человеком, которого очень уважаю. Так вот он посоветовал не использовать вас в слепую. Более того, настоятельно рекомендовал расспросить вас о странной способности видеть сны наяву. Я, честно го-

вора, так и не понял, что он имел ввиду.

Интересные у майора знакомые, думал Шатов, проходя через зал к раздевалке и забирая куртку. Знают даже о том, что Шатов сообщал только Хорунжему и его ребятам. Хорунжий делится информацией с Сергиевским? Или просто решили таким образом подтолкнуть майора к нужным действиям?

Интересно. И еще интересно, знал ли Хорунжий о видах на роль Шатова в деятельности группы? Знал или нет? Сознательно подставил или случайно? И что вообще собирается предпринимать по этому поводу?

Вопросы, вопросы, вопросы... и ни одного ответа.

Шатов вышел на улицу и даже не удивился, увидев почти родной серебристый «мицубиси». Майор, не останавливаясь, прошел мимо Шатова к машине, сел возле водителя.

Плюнуть на все, тоскливо подумал Шатов, и поехать домой. Что они, руки ему заламают? И скованного бросят в машину? А что дома?

Дождь усилился. Лужи недовольно плевались под ногами Шатова, пока он медленно шел к машине.

Странно. Никто не хочет спросить его, Шатова, а что он думает обо всем этом. Почему никто не интересуется, хочет ли Шатов принимать активное участие в работе группы. И есть ли, по его мнению, у группы хоть малейший шанс найти Дракона, с помощью Шатова или без нее?

Фигня все это, господа, если хотите знать мнение Шатова

по этому поводу. Все мы только предполагаем, а Дракон уже все рассчитал и принял решение. А им всем предстоит только сыграть написанные роли. Вот что обидно.

– Вот что обидно, – сказал Шатов, сев в машину.

– Что именно? – спросил Сергиевский.

– Именно это, – ответил Шатов и засмеялся.

Глава 4

– Рыжий еще не приехал, – сообщил Климов, как только Сергиевский появился на пороге. – Звякнул минут тридцать назад, что у него может быть для нас сюрприз. Объяснять не стал.

– Конкретнее ничего не говорил?

– Только это, – развел руками Климов, – вы ж его знаете.

– Знаю, – тяжело вздохнул Сергиевский. – Где остальные?

– Сашка с Гремлином в столовой хавают, Димка и Пирог отдыхают перед... – Климов быстро глянул на Шатова, – ... перед ночью.

– Поднимай обоих, – приказал Сергиевский, – и ко мне в кабинет.

– Другой бы спорил – я не буду, – пробормотал Климов, снова бросив, уходя, взгляд на Шатова.

– Вот так и работаем, – улыбнулся Сергиевский и покачал головой, – твою мать.

– Что так тяжело? – поинтересовался Шатов.

– Не нравится мне этот звонок Рыжего... Умный парень, но любит повыпендриваться, – Сергиевский открыл дверь кабинета и жестом пригласил Шатова войти, – и мне совершенно не нравится обещанный им сюрприз.

Шатов задумчиво постоял посреди кабинета, выбирая место для посадки. Фокус в том, чтобы не занять привычное

место кого-нибудь из группы. Не хватало еще нелепых разборок типа «вас здесь не сидело». Климов сможет сварганить из этой ситуации несколько весьма напряженных минут. А у Шатова совсем не было настроения спокойно сносить подколки и шуточки. Руки все еще зудели, а хмель от драки из головы все еще не выветрился.

В кабинете кроме письменного стола и кресла возле него, был еще низкий кожаный диван, два таких же кресла возле журнального столика, вращающийся стул возле стола с компьютером и еще два стула возле книжного шкафа.

Ну вперед, господин Шатов, прояви проницательность. Где кто может сидеть?

Майор, ясное дело, за столом. Климов... Верткий и непоседливый Климов на диване смотреться будет не очень естественно, особенно, если кроме него туда сядет еще кто-то. А вот двухметровый Гремлин на этом же диване будет в самый раз. Браво, Шатов, одного мы вычислили.

Дальше приятели Коля Таранов и Пирог. Пирог, кстати, это не кличка, а фамилия, удобная в обращении настолько, что имени его за неделю общения Шатов так ни разу и не услышал. И Таранов и Пирог в группу, насколько понял Шатов, прибыли из одного райотдела, посему держались парой. И сидеть им выпадало на стульях возле стены. Можно и пошептаться и обсудить проблемы.

Балазанов и Климов... Остались без жилплощади Климов и Балазанов. И Рыжий. А хрен его знает, товарищ майор, где

они могут сидеть. Шатов подошел к креслам.

Рыжий и Балазанов у нас будут сидеть здесь, а Климов на вращающемся стуле возле компьютера. Да, тогда картина будет выглядеть гармонично настолько, что Шатову придется идти за своим стулом.

Шатов оглянулся на Сергиевского и обнаружил, что тот с интересом наблюдает за его перемещениями по кабинету.

– Выбрали? – спросил майор.

– Не получается, – признался Шатов, – придется идти за своим.

Дверь кабинета распахнулась, вошел Климов:

– Я...

– Подожди за дверью, – скомандовал Сергиевский.

– Секретничаем? – с ехидцей поинтересовался Климов и вышел, хлопнув дверью.

– Так что говорите – места не хватает? – Сергиевский встал из-за стола, подошел к Шатову и обозрел кабинет с его места. – Почему?

– Гремлин, Рыжий, Таранов, Пирог, Балазанов, Климов, – называя оперов, Шатов указывал пальцем на место, которое по его мнению они занимают в кабинете.

– Такой вот расклад... – майор хмыкнул и вернулся к письменному столу.

– Что-то не так?

– Ну... – протянул майор.

– Сколько процентов попаданий? – Шатову неожиданно

стало обидно.

Как же это так? Неужели он мог настолько промазать в своих рассуждениях?

– Так я схожу за стулом? – спросил Шатов.

– Ради бога!

Шатов вышел из кабинета, пропустил мимо ушей замечание Климова, поддержанное Пирогом и Тарановым. Ну и хрен с ними. Ну не угадал. В конце концов, от этого угадывания ничего особо не зависит. Но обидно...

И не нужно особо торопиться. Куртку снять, расчесать влажные из-под дождя волосы, успокоиться по поводу своего промаха – нет, мелочь, но как неприятно – и только после этого взять свой сиротский стульчик и прийти с ним на совещание.

На пороге кабинета Шатов замер. Да... Действительно промазал капитально. Гремлин сидел в кресле вытянув ноги, в другом кресле сидел Пирог, Таранов сидел на вращающемся стуле перед компьютером, Балазанов одиноко размещался на стуле возле стены, а Климов, не смотря на пустующее место возле Балазанова и на диване, сидел на столе, возле компьютера.

И Шатов со своим стулом в руках выглядел несколько нелепо. Сцепив зубы Шатов прошел через весь кабинет к окну, поставил стул и сел на него верхом, хотя такую позу не любил ужасно. Ты должен быть наказан, Женечка! Хотя бы вот таким образом.

Появление Шатова явно прервало какой-то обмен репликами. По недовольному выражению лица Климова можно было судить, что речь шла об изменении статуса Шатова в группе. И группа это явно не слишком горячо приветствовала.

– Ну вот, почти все в сборе, за исключением Рыжего уехавшего за сюрпризом, – сказал майор, – можно начинать.

– Начать – не кончить, – громко прошептал Климов.

– Вот именно, – Сергиевский сказал это с нажимом так, что всем стало понятно – лучше придержать лирику при себе.

Климов скрестил руки на груди, Пирог стал рассматривать что-то на потолке, Гремлин откашлялся, глянул на Шатова и снова замер в кресле.

– Начнем по порядку, – майор похлопал ладонью по столу. – С этого момента Шатов будет присутствовать на наших совещаниях. И будет принимать участие в обсуждении. Вопросы?

Вопросов не было.

– Вот и отлично. Тогда дальше. Все вы читали дело о так называемом бумажном драконе. И присутствовали на беседах с... – майор указал рукой на Шатова. – Теперь я хотел бы, чтобы господин Шатов рассказал свою историю еще раз, только теперь мы его не перебиваем, не умничаем по поводу и без повода, и все вопросы задаем потом, по окончании. Есть другие предложения?

Других предложений также не было.

– Слово предоставляется господину Шатову.

Шатов встал.

Только этого ему сейчас до полного счастья не хватало. История его отношений с Арсением Ильичем уже навязла Шатову в зубах. И Шатов даже боялся себе представить реакцию оперов на некоторые подробности. Чертов Сергиевский.

– Да... – протянул Шатов и приступил к изложению.

Через пять минут Шатов с ужасом убедился, что даже многократные пересказы всей этой истории не притупили остроты ощущений. Нет, Шатов не переживал все заново, но чувства, которые он испытывал тогда – страх, ужас неопределенности, бессилие – все это, оказывается, оставалось в нем, дожидаясь малейшей возможности выплеснуться наружу и затопить мозг.

Шатов говорил размеренно, стараясь придать голосу равнодушие и отстраненность. Было и было. Прошло. Он сильный и опытный мужик. У него не может дрожать голос и трястись руки от одного только воспоминания. Не могут. Шатов спрятал руки в карманы.

Опера слушали молча, не перебивая и не выражая своих эмоций. Они умели слушать, эти опера. Шатову показалось, что каждое его слово они выхватывали, фиксировали, сортировали и укладывали куда-то в свои внутренние архивы, уже прошнуровав и зарегистрировав.

Раз или два Климов тяжело вздохнул, Шатов даже сделал небольшую паузу, но тот промолчал. Слово майора было законом.

– Вот, в общем, и все, – закончил свой монолог Шатов и посмотрел на стенные часы.

Он говорил почти полтора часа. Длинная история.

– Я работал с Ямпольским, – медленно сказал Балазанов, – еще в райотделе.

– И что? – спросил Климов.

– И ничего.

– Значит, – спросил Пирог, – Дракон утверждал, что работал один?

– Да, – коротко ответил Шатов.

– А Ямпольский и его отдел стали мочить народ под прикрытием этого значка? – это снова Пирог.

– Да, они подкладывали на место своих убийств вырезанный из бумаги силуэт дракона.

– И это тебе сказал сам Ямпольский? – губы Климова искривила ироничная гримаса.

– Сам майор Ямпольский, – Шатов отвечал спокойно, хотя в душе у него творилось черт знает что.

События августа снова пронеслись перед ним. И та, последняя ночь, и туман, и болото, и голос из вязкого белого месива, и...

– И тебя подставил этот самый Охотник, чтобы вычислить, кто браконьерствует на его участке?

– В его охотничьих угодьях, – поправил Шатов.

– Понятно, – кивнул Гремлин.

Прозвучало еще несколько вопросов, больше касавшихся технической стороны – как поддерживали связь с Драконом, внешность Дракона, какие-то мелкие привычки, манера говорить, двигаться.

– Все? – спросил Сергиевский, когда наступила тишина.

– Все, – за всех ответил Климов.

– Вы ничего не хотите добавить? – спросил майор у Шатова.

Шатов покачал головой.

– Переходим ко второй части нашего мероприятия.

Майор встал из-за стола, подождал, пока Шатов вернется на свой стул возле окна, и объявил:

– А сейчас мы обсудим, почему господин Шатов говорит неправду.

– То есть как это – неправду? – Шатов вскочил со стула. – Вы полагаете, что я вру?

– Спокойно, милый, мы тебя не перебивали, – противным голосом сказал Климов.

– Хорошо, – кивнул Шатов, – хорошо. Продолжайте. Я послушаю.

– Я начну, – сказал Климов. – Можно?

– Давай, – разрешил майор.

– Шатов, ты видел все материалы? По всем покойникам?

– Нет. Мельком глянул в кабинете у Ямпольского.

– Понятно. Тогда вот послушай. Мы тут просмотрели все это и попытались составить портрет убийцы по признакам и прочим мелочам. В большинстве случаев, понятно, ничего особого не всплыло. Хрен поймешь, каким нужно быть внешне человеку, подрезающему шланг в тормозной системе, или подсыпающего яд в стакан. Но в ряде случаев, все ж таки, у нас получилось. – Климов улыбнулся, демонстрируя, как он рад тому, что получилось. – А получилась полная фигня.

– Не понял? – Шатов удивленно посмотрел на Климова.

– Скажем, один покойник схлопотал нож под ребро. Мы прикинули и так, и по-другому – выходит, что бил твой дракон с левой руки. Левша. А в другом случае – проломил прохожему голову ломиком и бил, между прочим, справа, как нормальный человек. Только еще выходит, что росточка он был ниже среднего и не так чтоб очень сильный – голову проломил только с третьего или четвертого удара.

А в третьем случае – отнес он свою жертву практически на руках метров на сто в сторону. А в четвертом с земли дотянулся до форточки. А тут рост нужен как у Гремлина вон.

Гремлин кивнул, соглашаясь.

– Вот и выходит, что передает господин Шатов полную фигню, – подвел итог Климов.

– Точнее, – потребовал Сергиевский.

– А чего тут уточнять? Выходит по всему, что не мог один

этот самый Дракон всех этих людей убивать. Просто не получилось бы. Фокусничать, перекладывая оружие из одной руки в другую можно дома, на досуге. А на дело пойти нужно так, чтобы грохнуть человека с первого раза. Чтобы без крика и шума. Свидетелей-то нет... – Климов развел руками.

– Кто следующий? – Сергиевский посмотрел на Шатова и отвел взгляд.

– Я, – сказал Балазанов.

– Давай.

– Я переговорил с психологами. Типа, кто и как убивает, что за этим стоит.

– С Инной говорил? – переспросил Пирог.

– И с ней тоже. Вот, интересное дело получается. Во всех эпизодах как бы участвуют два человека. Не в том смысле, что приходят они вдвоем и мочат. Нет, тут все похоже на одиночку. А вот в другом смысле...

Шатов сидел, закрыв глаза. Да, Климов прав. Климов прав на все сто процентов. Никто не станет настолько извращаться, чтобы изображать из себя то левшу, то низкорослого. У Дракона должно было хватить ума, чтобы маскироваться не так, чтобы выбирать такие способы убийства, в которых не так явно выражаются физические особенности убийцы. Но ведь он ясно сказал, что действовал один... Ему тогда не было смысла врать – Шатов все равно был уже почти покойник. Шатов вздрогнул, поняв, что прослушал слова Балазанова:

– Извините, что вы сказали о другом смысле?

Климов усмехнулся.

– В другом смысле, – повторил Балазанов, – выходит, что Дракон ваш от убийства к убийству как бы менялся психологически. Если взять именно убийства, не подделку под несчастный случай или самоубийство, а самое обычное убийство.

В одном случае – убийца словно боится крови. В другом – масса ненужных ранений, будто он не мог остановиться, потерял над собой контроль. Один раз мужик был кастрирован после убийства, а это немного смахивает на действия женщины. Во всяком случае, подобные сексуальные мотивы в других случаях не фигурировали, – Балазанов потер мочку уха, – если кратко, то это все. Остальное в отчете.

Сергиевский кивнул, похлопав рукой по папке на столе перед собой:

– Потом все почитают. Шатов, у вас вопросы есть?

– Один.

– Прошу.

– Саша, вы сказали, что Дракон как бы раздваивается при убийствах...

– Я неточно сказал. Он как бы меняется от одного убийства к другому.

– Понятно. А что сказали психологи по планированию? Там есть что-то общее в подходах, выборе жертвы и тому подобном?

– Я этого не выяснял, – Балазанов виновато глянул на Сер-

гиевского, – могу уточнить, если нужно...

– Уточни, – сказал майор и кивнул Шатову, – спасибо.

Шатов поймал на себе взгляд Балазанова. Неудобно получилось, будто он специально постарался унижить старшего лейтенанта. А Саша, похоже, неплохо поработал. И, судя по реакции остальных, для них отчет Балазанова такая же неожиданность, как и для Шатова. И Климов, похоже, своими сомнениями с коллегами до сегодняшнего вечера не делился.

Все выглядит так, будто майор дал каждому из своих парней, или некоторым из них, персональное задание, а теперь все это сводит воедино.

– Подводя итог двух первых выступлений, можно прийти к выводу, что действовал не один человек, а группа людей, – Сергиевский взял со стола ручку и покрутил ее между пальцев. – Есть возражения?

Шатов готов был поклясться, что возражений не будет, но который раз за вечер ошибся. Руку поднял Гремлин.

Гремлин вообще производил сильное впечатление. При двух метрах роста и весе за сто двадцать килограммов Егор Шорохов одним своим видом внушал страх, пробуждая какие-то древние инстинкты в мозгу у Шатова. Не исключено, что дальний предок Шатова вот так же с опаской поглядывал на здоровяка-питекантропа и уступал ему дорогу. В результате чего имел возможность передать Шатову свои гены.

Поднятая рука Гремлина не будила воспоминания о шко-

ле. Это был, скорее, прерванный удар. От человека с такой внешностью обычно не ожидают внятной речи или глубины мысли. В случае с Гремлином это также было ошибкой.

– Фигня, – сказа Гремлин спокойно.

– Что фигня? – переспросил Балазанов.

– И то, что твои психологи сказали, и то, что напридумывал Димка с экспертами.

– Это через почему? – Климов спрыгнул со стола и подошел к Гремлину. – Чего это фигня?

– Объясняю, – Гремлин потянулся, раскинув руки, отчего Климов попятился, – если то, что они сказали, правда, то у Дракона должна быть группа. Компания друзей-единомышленников. Ага?

– Выходит, – согласился Климов, снова усевшийся на стол.

– Не меньше трех – четырех человек.

– Психологи полагают, что между пятью и восьмью, – вставил Балазанов.

– Хорошо, пятью и восьмью. Пусть будет шесть. Так?

– Да ну, пусть будет, не тани, – почти выкрикнул Климов.

– Вот, – поднял палец Гремлин, – мы ничего не можем обсудить, чтобы Димка не стал в позу.

– Пошел ты!

– Во, живой пример. Я это к чему? Я это к тому, что наличие группы подразумевает взаимоотношения внутри нее. Нравится – не нравится. Настроение плохое – настроение

хорошее. И так далее... А теперь представьте себе, что начинают появляться чужие бумажные драконы, которых подкладывают ребята Ямпольского. Покойные ребята покойного Ямпольского. Что бы произошло у нас, ежели б это мы мочили народ? Димка вцепился бы в меня, я в Балазанова вон, или в Пирога... Короче, пока не разобрались бы между собой – фиг бы пошли на новое дело. Нет?

Никто возражать не стал. Было в замечании Гремлина рациональное зерно.

– А Дракон продолжал убивать людей параллельно оперативно-поисковому отделу. Так все выглядит, что он ни на секунду не усомнился в том, что убийца...

– Браконьер, – подал реплику Шатов.

– Браконьер, – согласился Гремлин, – что браконьер со стороны. Это мое первое возражение. Второе мое возражение связано с Шатовым.

– Наконец-то, – Климов, не вставая, поклонился Шатову.

– И возражение вот какое, – невозмутимо продолжил Гремлин, – Шатов сказал, что, по его мнению, Дракон, когда говорил о том, что убивал в одиночку, не врал. Ведь не врал?

– Не врал. Точно, – Шатов вспомнил выражение лица Арсения Ильича. – Не врал.

– Да и зачем ему врать?

– А черт его знает! – взорвался Климов. – Может сам Шатов врет! Нет? А кто докажет? Он докажет? Шатов сказал то, Шатов сказал се! Это Шатов вам так сказал и поведал

о героизме и своем беспримерном подвиге на берегу безымянного болота. А кто еще может подтвердить? Покойный Арсений Иванович, или как там его? Давайте я тоже скажу, что-нибудь! Сказать?

– Лучше помолчи, Дима, остынь, – Гремлин хлопнул по ручке кресла, – я еще не закончил. Тут есть еще один момент. Деньги.

– Какие деньги? – не сдержался Шатов.

– Обычные, бумажные. Их у Дракона должно было иметься в достаточном количестве. Прикиньте, человек развлекается убийствами. И не просто так веселится, а тщательно готовится, аккуратно подбирает жертву, следит за ней... Так?

– Так, – за всех сказал Пирог.

– Тогда прикинь – он в одиночку должен пасти свои жертвы – привычки, режим работы, график передвижений... И так далее, – Гремлин улыбнулся, – сами все понимаете, как оно в одиночку хвостом ходить. А уж примелькаться можно за пару дней так, что все соседи здороваться будут.

– Сам ведь говоришь, что в одиночку хрен получится такое, – прервал Гремлина Климов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.